

ОБЩЕДОСТУПНАЯ ВОГОСЛОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ВЫПУСКЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОЛКОВЕНА БИБЛІА,

ИЛИ

КОММЕНТАРІЙ

НА ВСѢ КНИГИ СВ. ПИСАНІЯ

Ветхаго и Новаго Завѣта.

Съ иллюстраціями.

ИЗДАНИЕ ПРЕЕМНИКОВЪ

† А. П. ЛОПУХИНА

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

КНИГИ:

*ЕККЛЕСІАСТА, ПѢСНИ ПѢСНЕЙ, ПРЕ-
МУДРОСТИ СОЛОМОНА, ІИСУСА СЫНА
СИРАХОВА И ПРОРОКА ИСАИИ.*

ПЕТЕРБУРГЪ.

Безплатное приложеніе къ журналу „Странникъ“ за 1908 годъ.

1908.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Книга Екклесіаста	стр. 1
Книга Пѣсни Пѣсней Соломона	37
Книга Премудрости Соломона	76
Книга Премудрости Исуса сына Сирахова	161
Пророки и пророчества	234
Книга пророка Исаи	241

Списокъ сотрудниковъ, составившихъ комментарій на книги Св. Писанія, вошедшія въ составъ V т. Толковой Библии

Профессоръ Кіевской Духовной Академіи, магистръ богословія, Священникъ Александръ Александровичъ Глаголевъ.

Магистръ богословія Профессоръ Василій Никаноровичъ Мышцынъ.

Профессоръ Московской Духовной Академіи, магистръ богословія Александръ Ивановичъ Покровскій.

Профессоръ Казанской Духовной Академіи магистръ богословія Василій Ивановичъ Протопоповъ.

Преподаватель Московской Духовной Семинаріи, магистръ богословія Николай Петровичъ Розановъ.

Преподаватель Петербургской Духовной Семинаріи, кандидатъ богословія, Павелъ Смарагдовичъ Тычининъ.

Книга Екклесіаста ¹⁾.

Книга Екклесіаста, какъ видно изъ ея начала, содержитъ въ себѣ слова *Екклесіаста, сына Давидова, царя въ Иерусалимѣ*. Такъ какъ лишь одинъ сынъ Давида былъ царемъ, именно Соломонъ, то очевидно, что этотъ послѣдній и названъ здѣсь Екклесіастомъ. Соломонъ во всѣ времена еврейской исторіи считался величайшимъ мудрецомъ и, какъ творецъ многихъ назидательныхъ притчей, учителемъ народа. Съ такимъ характеромъ онъ выступаетъ и въ нашей книгѣ. Онъ „самъ былъ мудръ и училъ народъ познанію“, замѣчаетъ писатель книги въ XII, 9. Соответственно этой чертѣ Соломону дано еврейское названіе Когелеть. Оно происходитъ отъ корня *kahal*, который въ глагольной формѣ значитъ: созывать, собирать (= греч. ἐκκαλέω) ср. Лев. VIII, 3; Числ. I, 78; Второз. IV, 10 и др., въ формѣ существительнаго имени (какъ греч. ἐκκλησία ²⁾; собраніе вообще, религиозное собраніе въ частности, напр. Числ. X, 7; Пс. 22, 23; 35, 18; Неем. V, 7 и др. Отсюда евр. *koheleth*, какъ и греч. ἐκκλησιαστής значитъ: созывающій собраніе, говорящій въ собраніи, церковный ораторъ, проповѣдникъ. Къ такому наименованію Соломона могъ дать частный поводъ въ высшей степени знаменательный фактъ, описанный въ 3 Цар. VIII (ср. 2 Пар. V—VI), когда Соломонъ при освященіи своего храма *созываетъ* (*jakhel*) израильтянъ, произнесъ свою замѣчательнѣйшую молитву о ниспосланіи милости Божіей всѣмъ входящимъ во храмъ, какъ народу еврейскому, такъ и иноплеменникамъ, затѣмъ благословивъ *собраніе* (*kahal*) обратился къ нему съ рѣчью, въ которой молилъ Бога о томъ, чтобы Онъ направилъ сердце народа на сохраненіе уставовъ и соблюденіе заповѣдей. Здѣсь такимъ образомъ въ наглядной, осязательной формѣ Соломонъ явился тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для своего народа и во всѣ послѣдующія времена, т. е. когелетомъ, проповѣдникомъ. Женская форма евр. имени указываетъ или на подразумеваемое существительное *шокта* (мудрость) или, вѣроятноже, на официальную миссію Соломона, какъ народнаго учителя, такъ какъ имена, означающія должность, часто принимали у евреевъ форму женскаго рода. Вѣроятно такимъ путемъ образовавшееся символическое имя Соломона—Когелеть—(Екклесіастъ) дало названіе и самой книгѣ.

¹⁾ Общее понятіе о Библии, о Ветхомъ Заветѣ, объ историческихъ и учительныхъ книгахъ см. I, II, III и IV т.т. Толковой Библии, изд. Редакціею Странника въ 1904, 1905, 1906 и 1907 г.г.

²⁾ Греч. ἐκκλησία и лат. *concilium* имѣютъ общій корень съ евр. *kahal*.

Все *содержаніе* книги Екклесіаста служить какъ бы отвѣтомъ на вопросъ: въ чемъ счастье на землѣ, возможно ли для человѣка полное, совершенное счастье (I, 3; III, 9; V, 15; VI, II)? На этотъ вопросъ Екклесіастъ самымъ рѣшительнымъ образомъ даетъ отрицательный отвѣтъ. Ithgon—такъ называетъ онъ совершенное счастье въ отличіе отъ временныхъ и скоропреходящихъ радостей—невозможно для человѣка. Ничто въ мірѣ и въ жизни человѣка не можетъ дать такого счастья. Отсюда все суетно, все ничтожно, все бесполезно. *Суета суетъ, все суета*. Вотъ выводъ, къ которому пришелъ Екклесіастъ путемъ долгихъ и тяжелыхъ исканій, и который онъ одинаково рѣшительно высказываетъ какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ книги (I, 2; XII, 8). Но почему недостижимо абсолютное счастье, почему все оказывается въ этомъ смыслѣ бесполезнымъ и суетнымъ? Причина этого въ томъ, что все въ мірѣ подчинено неизмѣннымъ и въ то же время однообразнымъ законамъ и вслѣдствіе этого находится въ постоянномъ круговращеніи, не дающемъ ничего новаго, ничего такого, что могло бы хотя въ будущемъ обезпечить достиженіе Ithgon (I, 4—11). Движеніе не впередъ, а вокругъ, безпрогрессивное круговращеніе наблюдается не только во внѣшней природѣ, но и въ жизни человѣческой, гдѣ психическія явленія чередуются съ тою же послѣдовательностью, какъ и явленія природы, столь же мало зависятъ отъ воли человѣка, гдѣ также есть всему свое время (III, 1—8). Эта неотвратимость естественнаго хода вещей, безсиліе человѣческой воли измѣнить его направленіе, подчинить себѣ, дѣлаютъ счастье, доступное человѣку, непрочнымъ, непостояннымъ, случайнымъ, скоропреходящимъ. Человѣкъ ни за одну минуту не можетъ поручиться, что счастье не измѣнитъ ему. Конечно такое счастье не есть Ithgon. Изслѣдуя затѣмъ частные случаи изъ собственной жизни и жизни людей, Екклесіастъ еще болѣе убѣждается въ томъ, что ничто не можетъ дать человѣку истиннаго счастья. Мудрость? Но она приноситъ людямъ мученіе, обнажая и въ мірѣ и въ человѣкѣ безобразіе и ничтожество, прикрывающееся видимой красотой и цѣлесообразностью, рождая въ человѣкѣ тяжелое сознаніе ограниченности его ума и нестижимости всего существующаго (I, 13—18). Безпечное веселіе, пользование всякими удовольствіями и развлеченіями? Но оно оставляетъ въ душѣ человѣка мучительное ощущеніе пустоты и бессодержательности (II, 1—2). Радости труда, разнообразной дѣятельности? Но онѣ меркнутъ отъ сознанія ничтожности и случайности результатовъ труда (II, 3—11). Послѣдніе зависятъ не столько отъ самого человѣка, его талантовъ и энергіи, сколько отъ времени и случая (IX, 11). Не зависить отъ человѣка и то благо, чтобы ѣсть и пить (II, 24). Богатство? Но оно принадлежитъ собственно не человѣку, а жизни. При смерти обладателя оно переходитъ къ наслѣднику, который можетъ оказаться глупымъ и злоупотребить наслѣдствомъ (II, 18—19). Да и при жизни богатые часто чувствуютъ себя одинокими, мучатся завистью, раздорами, жадностью (IV, 4—8; VI, 1—6) или внезапно теряютъ богатство

(V, 10—16). Но надъ всѣми этими человѣческими скорбями и превратностями царить величайшее зло — смерть, которая одинаково поражаетъ и мудрыхъ и глупыхъ (II, 14—16), и праведныхъ и нечестивыхъ (IX 1—3), уничтожая такимъ образомъ всякое различіе между людьми и дѣлая счастье ихъ призрачнымъ. А то, что слѣдуетъ за смертью, состояніе въ шеолѣ, есть жизнь безъ знанія, размышленія, безъ любви, надежды и ненависти, жизнь, по сравненію съ которой даже печальное земное существованіе есть благо, такъ какъ и псу живому лучше, чѣмъ мертвому льву (IX, 4—6. 10). Гдѣ царствуетъ смерть, тамъ не можетъ быть прочнаго счастья. Но что же отсюда слѣдуетъ? Долженъ ли человѣкъ придти къ мрачному унынію, къ сознательному отвращенію къ жизни, столь безжалостно разбивающей всѣ мечты о счастьѣ? Нѣтъ. Тамъ, гдѣ повидимому безпросвѣтнымъ туманомъ долженъ былъ нависнуть крайній пессимизмъ, для Екклесіаста заблестѣла живая надежда на возможность нѣкотораго счастья, вѣра въ нѣкоторую цѣнность жизни. Ithron—совершенное счастье для Екклесіаста по прежнему оставалось недостижимымъ, но онъ нашелъ въ жизни сравнительное благо, относительное счастье, то, о чемъ съ увѣренностью можно сказать, что это нѣчто *лучшее*. На мѣсто недостижимаго Ithron является возможное для человѣка Tob. Что такое это Tob? Чтобы понять и сумѣть достигъ это Tob, для этого необходимо взглянуть на міръ и жизнь человѣка съ совершенно новой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія религіозной, надо на мѣсто міросознанія поставить богосознаніе, живое сознаніе дѣйствующей въ мірѣ Божественной силы. Все въ мірѣ подчинено извѣстнымъ неизмѣннымъ законамъ, но эти законы суть ничто иное какъ выраженіе Божественной воли. Человѣкъ зависитъ не отъ слѣпотаго рока, а отъ Божественнаго провидѣнія. Все отъ руки Божіей. Безъ него человѣкъ не можетъ даже ѣсть и пить (II, 24—26). Человѣкъ не въ состояніи препираться съ Богомъ (VI, 10), измѣнить то, что дѣлаетъ Богъ (III, 14; ср. VII, 13). Онъ не знаетъ путей Божіихъ (III, 16—17), не знаетъ ни будущаго, ни цѣлей настоящаго (II, 11, XI, 5; VII, 14). Но если пути Божіи и непостижимы, то они во всякомъ случаѣ не могутъ быть несправедливы. Богъ воздастъ каждому по заслугамъ, наградитъ боящихся Его и накажетъ нечестивыхъ (VIII, 12—13). Какъ только человѣкъ начинаетъ взирать на міръ съ религіозной точки зрѣнія, кореннымъ образомъ измѣняется его настроеніе. Убѣдившись въ томъ, что судьба человѣка въ рукахъ Божіихъ (IX, 1), онъ оставляетъ всѣ безпокойныя заботы и боязливыя ожиданія будущаго, всякое раздраженіе огорченіе и досаду (V, 16), которыя, ни къ чему не приводя, портятъ настоящее, отравляютъ всякія радости, и наиболѣе вѣрное средство къ обезпеченію будущаго видитъ въ приобрѣтеніи милости Божіей сердечной молитвой, благоговѣйнымъ исполненіемъ обрядовъ, соблюденіемъ заповѣдей и обѣтовъ (IV, 17—V, 4). Спокойный за будущее онъ безмятежно наслаждается тѣми радостями, какія посылаетъ ему Богъ (VII, 14). Онъ ѣсть съ веселіемъ хлѣбъ свой, пьетъ

въ радости вино свое, считая то и другое за даръ Божій (IX, 7; III, 13). Онъ наслаждается жизнью съ женою своею, которую далъ ему Богъ на всѣ суетные дни подъ солнцемъ (IX, 9). Во всякое время одежды его свѣтлы, и елей не оскудѣваетъ на головѣ его (IX, 8). Сладокъ ему свѣтъ и пріятно ему солнце (XI, 7). Если Богъ посылаетъ ему несчастье, онъ размышляетъ (VII, 14) и примиряется съ нимъ, вполне убѣжденный въ цѣлесообразности и справедливости Божественнаго промысла, въ воспитывающей и очищающей силѣ страданій. Зная, что при печали лица сердце убажается (VII, 3), онъ намѣренно ищетъ того, что возбуждаетъ печаль. Онъ предпочитаетъ день смерти дню рожденія, домъ плача дому пира, сѣтованіе смѣху, обличенія мудрыхъ пѣснямъ глупыхъ (VII, 1—6). Въ отношеніи къ людямъ онъ проникается чувствомъ незлобія, снисходительности, доброжелательства. Онъ ищетъ нравственнаго единенія съ людьми, зная, что двоимъ лучше, чѣмъ одному (IV, 9—10). Увѣренный, что отъ судьбы другихъ людей зависитъ и его судьба, онъ всячески содѣйствуетъ ихъ благополучію. щедро раздавая свое имущество (XI, 1—2).—Таковое состояніе духа, когда человѣкъ, всецѣло вручивъ себя Божественному провидѣнію, безмятежно наслаждается жизнью, спокойно и благополучно перенося всѣ посылаемыя ему испытанія, и есть единственно возможное для него счастье, его *Tob*. Но это счастье не полное, оно не можетъ вполне удовлетворить вложенному въ человѣка стремленію къ вѣчному счастью (III, 10—11). *Ithron* недостижимо. Все суета и томленіе духа. Вотъ результатъ, къ которому пришелъ Екклесіастъ. Съ его ученіемъ о шеолѣ, съ его неопредѣленнымъ представленіемъ о судѣ Божіемъ, съ его полнымъ незнаніемъ воскресенія мертвыхъ Екклесіастъ не могъ придти къ иному выводу. Онъ искалъ совершеннаго счастья „подъ солнцемъ“, т. е. въ предѣлахъ земного бытія, но тамъ его не могло быть.

Книга Екклесіаста въ надписаніи своемъ (I, I) усваивается Соломону. Но само по себѣ надписаніе книги не рѣшаетъ окончательно и безусловно вопроса о ея писателѣ. Въ древности было въ обычаѣ воспроизводить мысли и чувства замѣчательныхъ историческихъ лицъ въ разговорной или поэтической формѣ. Это было своего рода литературнымъ приемомъ, особой литературной формой, въ которой авторъ, заботясь о тожествѣ духа, а не о тожествѣ буквы, бралъ изъ исторіи лишь общую мысль, подвергая ее самостоятельной разработкѣ. Примѣръ такого своеобразнаго изложенія рѣчей пророческихъ, можно находить въ книгахъ Царствъ и Паралипоменонъ. Нѣкоторыя особенности книги Екклесіаста убѣждаютъ въ томъ, что и въ ней мы имѣемъ дѣло съ подобнымъ литературнымъ приемомъ. Прежде всего языкъ книги съ несомнѣнностью показываетъ, что она явилась уже послѣ плѣна вавилонскаго, когда еврейскій языкъ потерялъ свою чистоту и получилъ сильную арамейскую окраску. Книга Екклесіаста переполнена арамеизмами даже въ большей степени, чѣмъ книги Ездры и Нееміи и другія послѣплѣнные произведенія, заключаетъ въ себѣ множество отвлечен-

ныхъ и философскихъ выражений и даже имѣеть кое-что общее съ талмудическимъ словоупотребленіемъ (см. особенности языка у Кеиля, *Bibl. comment. ūb. d. poet. V. A. T. IV B; 5* 197—206 и М. Олесничаго, Книга Екклесіаста, стр. 156—157. Правъ одинъ изслѣдователь ска завшій, что если бы Соломонъ написалъ книгу Екклесіаста, то не было бы никакой исторіи еврейскаго языка. Во всякомъ случаѣ тогда нельзя было бы усвоить Соломону книгу Притчей. И въ самомъ содержаніи книги мы найдемъ не мало признаковъ ея позднѣйшаго происхожденія. Екклесіастъ говоритъ о себѣ: *Я былъ царемъ надъ Израилемъ въ Иерусалимѣ* (I, 12). Самъ Соломонъ не могъ употребить здѣсь прошедшаго времени, такъ какъ онъ оставался царемъ до конца своей жизни. Такимъ образомъ могъ сказать о немъ человекъ, жившій послѣ него. Тоже слѣдуетъ сказать о выраженіи: *Я возвеличился и приобрѣлъ мудрости больше всѣхъ бывшихъ прежде меня надъ Иерусалимомъ* (I, 16). До Соломона лишь одинъ Давидъ былъ царемъ въ Иерусалимѣ, слѣдовательно при жизни Соломона нельзя было говорить о всѣхъ бывшихъ царяхъ въ Иерусалимѣ. По II, 3. 9 представляется, что Соломонъ предавался чувственнымъ наслажденіямъ ради философскихъ экспериментовъ, по идеальнымъ мотивамъ. Этого не могъ сказать о себѣ историческій Соломонъ. Говоря о религіозныхъ недостаткахъ современнаго общества, наша книга совершенно умалчиваетъ объ идолопоклонствѣ, столь широко распространенномъ во времена царей, а отмѣчаетъ фарисейское, бездушное исполненіе обрядовъ (IV, 17.; V, 1 и д.), о которомъ часто говоритъ пророкъ Малахія. Непонятно для времени Соломона и предостереженіе отъ составленія и чтенія многихъ книгъ (XII, 12). Самое содержаніе книги, жалобы на суетность всего, общее чувство неудовлетворенности, увѣщаніе не поддаваться мрачному унынію, довольствоваться немногимъ въ жизни,—мало подходитъ къ славной и блестящей эпохѣ Соломона, когда еврейскій народъ переживалъ пору своей юности, полный силъ и надеждъ, гордый своими успѣхами, не знавшій еще разочарованія. Здѣсь сказались скорѣе общее недовольство послѣплѣннаго времени, общее утомленіе въ постоянной борьбѣ съ тяжелыми политическими и социальными-экономическими условиями жизни. *Не говори, отчего это прежніе дни были лучше нынѣшнихъ*, составляетъ Екклесіастъ. Ни въ одну эпоху это такъ часто не говорилось, какъ послѣ плѣна. Все это побуждаетъ признать, что книга Екклесіаста написана не Соломономъ, а лицомъ, жившимъ въ послѣплѣнное время. Уже м. Филаретъ допускалъ нѣкоторое сомнѣніе въ принадлежности ея Соломону. „Къ сожалѣнію, писалъ онъ. обращеніе Соломона не столь достовѣрно, какъ его заблужденіе. Книга Екклесіаста *повидимому* есть памятникъ его покаянія“ (Начерт. церковно-библ. исторіи. Изд. 9. стр. 230 231).

Какъ видно изъ содержанія книги и изъ историческихъ обстоятельствъ ея появленія, *цѣль*, какую ставилъ себѣ ея писатель, состояла въ томъ, чтобы утѣшить впадавшихъ въ уныніе современ-

никовъ, съ одной стороны выяснивъ суетность и тлѣнность всего земного, съ другой стороны указавъ средство и при существовавшихъ тяжелыхъ условіяхъ создать болѣе или менѣе сносное существованіе. Это средство заключалось въ томъ, чтобы жить, трудиться, наслаждаться всякими доступными радостями, ежеминутно, такъ сказать, ощущая свою зависимость отъ Божественнаго провидѣнія и въ немъ почерпая для себя источникъ нравственнаго мужества и душевнаго спокойствія. Такая задача книги, какъ и все ея содержаніе, вполне согласное съ богооткровеннымъ ветхозавѣтнымъ ученіемъ, не даютъ никакихъ основаній сомнѣваться въ каноническомъ достоинствѣ книги. Если нѣкоторые древніе раввины, а за ними и христіанскіе писатели (напр. Іустинъ, Иринеи, Климентъ Александрійскій, Оригенъ) совершенно умалчиваютъ о книгѣ Екклесіаста и сомнѣваются въ каноническомъ достоинствѣ книги, то это объясняется тѣмъ, что они брали и толковали нѣкоторыя соблазнявшія ихъ мѣста отрывочно, безъ связи съ общимъ содержаніемъ книги, и вслѣдствіе этого находили въ нихъ признаки эпикуреизма, фатализма и пессимизма. Ничего подобнаго не оказывается въ книгѣ при правильномъ ея пониманіи.

КНИГА ЕККЛЕСІАСТА.

ГЛАВА 1-я.

1. Слова Екклесіаста, сына Дави- | 2. Суета суеть, сказалъ Еккле-
дова, царя въ Іерусалимѣ. | сіастъ, суета суеть,—все суета!

I.

2—3. Основная мысль книги. 4—11. Круговращеніе міровыхъ стихій. 12—15. Лич-
ный опытъ Екклесіаста. 16—18. Суетность мудрости.

1. Сравнивая надписаніе книги Притчей и книги Екклесіаста, нѣкоторые толко-
ватели не безъ основанія находятъ въ послѣдней признаки несоломоноваго проис-
хожденія. Не совсѣмъ понятно, почему Соломонъ не названъ здѣсь своимъ собственнымъ
именемъ, какъ это въ книгѣ Притчей, если бы дѣйствительно овъ былъ писателемъ
книги Екклесіаста. Не выступаетъ ли здѣсь историческій Соломонъ простымъ символомъ,
какъ и самое имя Когелеть? Мало понятно также выраженіе *царя въ Іерусалимѣ*.
Въ историческихъ книгѣхъ Соломонъ называется обыкновенно царемъ израильскимъ
(напр. 4 Цар. XXIII, 18, 3 Цар. IV, 1 и др.), но никогда просто царемъ въ Іеруса-
лимѣ. Последнее выраженіе указываетъ повидному на то время, когда Израиль пере-
стала составлять самостоятельное царство и не имѣлъ уже своего царя въ Іерусалимѣ.

2. *Суета суеть*. Евр. *hebel* отъ халдейскаго *habal*—дымиться, испаряться зна-
чить: дымъ, паръ, дыханіе, въ переносномъ смыслѣ: ничтожество, бесполезная вещь,
тлѣнность, суетность. Этими именемъ называются языческіе боги (Второз. XXXII, 21;
Іер. XIV, 22), какъ не приносящіе никакой пользы человѣку (Іер. XVI, 19), всякая
бесполезная вещь, тщетное, напрасное дѣйствіе (Исаіа XXX, 7; XLIX 4). фантастиче-
скіи мысли (Пс. XCIII, 11), безрадостная, скорбная жизнь (Іов. VII, 16). Выразеніе
„суета суеть“ указываетъ на высшую степень ничтожности, бесполезности. Ничтожнымъ
по Екклесіасту является *все*. Но въ 8 и слѣд. стихахъ это „все“ ограничивается суще-
ствующимъ и происходящимъ „подъ солнцемъ“, т. е. въ предѣлахъ земного, вѣчнаго
бытія. Да и въ этомъ случаѣ понятіе суетности у Екклесіаста нуждается въ нѣкоторомъ
ограниченіи. Всѣ вещи и явленія по планушъ провидѣній имѣютъ свои дѣли, осуществляя
которыя онѣ не могутъ быть признаны бесполезными, ничтожными (ср. III, 11: все
содѣлалъ Онъ прекраснымъ въ свое время). Ничтожными онѣ являются въ сознаніи Еккле-
зіаста лишь въ отношеніи къ той дѣли человѣческихъ стремленій, которая заключается
въ достиженіи совершеннаго, абсолютнаго счастья—*Jthron*. По отношенію къ этой дѣли
все въ мірѣ ничтожно, бесполезно, тщетно. Ничто не въ состояніи дать человѣку не-
проходящаго счастья.

3. Чтò пользы человѣку отъ всѣхъ трудовъ его, которыми трудится онъ подъ солнцемъ?

4. Родъ проходитъ, и родъ приходитъ, а земля пребываетъ во-вѣки.

5. Восходитъ солнце, и заходитъ солнце, и спѣшитъ къ мѣсту своему, гдѣ оно восходитъ.

6. Идетъ вѣтеръ къ югу, и переходитъ къ сѣверу, кружится, кру-

жится на ходу своемъ, и возвращается вѣтеръ на круги свои.

7. Всѣ рѣки текутъ въ море, но море не переполняется: къ тому мѣсту, откуда рѣки текутъ, онѣ возвращаются, чтобы опять течь.

8. Всѣ вещи—въ трудъ: не можетъ человѣкъ пересказать всего; не насытитъ око зрѣніемъ, не наполнится ухо слушаніемъ.

3. *Что пользы человеку.* Евр. слово *Ithron* въ библіи ни разу не встрѣчается. По мнѣнію ебраитовъ оно значить: остающееся, непреходящее. Бл. Иеронимъ вопросъ 3 стиха передаетъ словами: *quid superest*, т. е. что остается? Григорій Нисскій выражаетъ его еще яснѣе: „какое изъ видимыхъ благъ пребываетъ всегда тѣмъ же?“ Слово *Ithron* такимъ образомъ обозначается счастье постоянное, устойчивое, вѣчное—въ отличіе отъ счастья временнаго, скоропреходящаго, призрачнаго. Свой вопросъ, приводя къ какому либо прочному счастью всѣ усилія людей, Екклѣзіастъ оставляетъ здѣсь безъ отвѣта. Но этотъ отвѣтъ былъ уже данъ самымъ рѣшительнымъ образомъ во второмъ стихѣ, въ признаніи суетности всего.

4. Невозможность прочнаго человѣческаго счастья выражается уже въ неустойчивости и постоянной смѣнѣ человѣческихъ поколѣвій при неизмѣнности и прочности неодушевленной природы. „Что суетнѣ той суеты, говорятъ Бл. Иеронимъ, что земля, созданная для людей, пребываетъ, а самъ человѣкъ, господинъ земли, мгновенно распадается въ прахъ.“?

5. Но и въ жизни природы, такъ же какъ въ жизни человѣчества, происходитъ постоянная смѣняемость. И здѣсь все движется, все течетъ, но только не впередъ, а вокругъ, слѣдовательно всегда по одному и тому же пути, вѣчно по одному и тому же шаблону. Таково прежде всего движеніе солнца. *Спѣшитъ къ мѣсту своему*, точнѣе съ еврейскаго: „задыхаясь спѣшить къ мѣсту своему“. Выраженіе указываетъ на утомленіе отъ вѣчно однообразнаго движенія.

6. Повидимому самая свободная изъ стихій—воздухъ въ дѣйствительности вѣчно повторять одно и то же движеніе, движеніе по одной и той же окружности. Слѣдуетъ замѣтить, что однообразіе въ движеніи вѣтра было особенно замѣтно для жителя Палестины. Тамъ съ осенняго равноденствія до ноября господствуетъ сѣверозападный вѣтеръ; съ ноября до февраля—западный и югозападный вѣтры, съ февраля до іюня—восточный, съ іюля сѣверный въ перемежку съ другими.

7. Постоянному и однообразному движенію подвержены и рѣки, причѣмъ это движеніе не производитъ никакихъ чрезвычайныхъ переизмѣнъ въ мѣрѣ. Сколько бы ни текли рѣки въ море, море никогда не переполняется и не зальетъ собою земли. *Къ тому мѣсту, откуда рѣки текутъ, онѣ возвращаются, чтобы опять течь*. Этотъ переводъ не точенъ, хотя и удачно выражаетъ мысль о круговращеніи. *Ѡ* значить „гдѣ“, а не: „откуда“. Точно также *Ѡ* значить: „тамъ“, „туда“, а не: „оттуда“. Правильный переводъ этого мѣста долженъ быть таковъ: „къ тому мѣсту, куда рѣки текутъ, туда онѣ всегда опять текутъ“. Св. писатель говоритъ лишь о теченіи рѣкъ всегда по одному и тому же направленію, а не о круговомъ движеніи водной стихіи, хотя и въ то время уже знали, что вода, испаряясь и образуя облака, снова падаетъ на землю (Іов. XXXVI, 27 и д.).

8. *Всѣ вещи въ трудъ*. Евр. *dabar* имѣетъ два значенія: вещь и слово. То и другое значеніе встрѣчается и въ книгѣ Екклѣзіаста. Это даетъ основаніе многимъ переводчикамъ и толкователямъ начало восьмого стиха переводить: всѣ слова слабы, безсилны (передать однообразное движеніе вещей). Такъ передаетъ греческій и славянскій переводъ. Трудно сдѣлать выборъ изъ этихъ двухъ пониманій, такъ какъ оба они вполне отвѣчаютъ контексту. Постоянное, однообразное движеніе вещей столь велико,

9. Чтѣ было, тѣ и будеть; и чтѣ дѣлалось, тѣ и будеть дѣлаться,—и нѣтъ ничего новаго подѣ солнцемъ.

10. Бываеть нѣчто, о чемъ говорятъ: „смотри, вотъ это новое“; но это было уже въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ.

11. Нѣтъ памяти о прежнемъ; да и о томъ, чтѣ будеть, не останется памяти у тѣхъ, которые будуть послѣ.

12. Я, Екклесіастъ, былъ царемъ надѣ Израилемъ въ Иерусалимѣ;

13. и предалъ я сердце мое тому, чтобъ изслѣдовать и испытать мудростью все, чтѣ дѣлается подѣ небомъ: это тяжелое занятіе далъ Богъ сынамъ человѣческимъ, чтобъ они упражнялись въ немъ.

14. Видѣлъ я всѣ дѣла, какія дѣлаются подѣ солнцемъ, и вотъ,

что могло бы дать безконечный матеріалъ для человѣческой способности говорить, видѣть и слышать.

9. Постоянное, однообразное движеніе вещей въ одномъ и томъ же направленіи, движеніе по своей окружности, конечно не можетъ произвести ничего новаго. Результаты его всегда одни и тѣже.

10. Если иногда и думаютъ, что произошло нѣчто новое, сдѣлаютъ шагъ впередъ, то на самомъ дѣлѣ и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ повтореніемъ стараго.

11. Ошибка въ этомъ случаѣ происходитъ отъ недостатка исторической памяти, оттого, что о прежнихъ поколѣніяхъ забываютъ послѣдующіе. Вместо *о прежнемъ* и *о томъ, что будетъ*, слѣдуетъ переводить „о прежнихъ“ и „о позднѣйшихъ“, такъ какъ множественное число мужскаго рода въ евр. подлинникѣ указываетъ очевидно на людей.

12. Безцѣльное круговращеніе міровыхъ стихій само по себѣ не доказываетъ еще, что невозможно высшее счастье для человѣка. Человѣческая жизнь сложнѣе, чѣмъ жизнь природы, идетъ своимъ самостоятельнымъ путемъ и потому можетъ быть тавтъ въ себѣ особые задатки для удовлетворенія человѣческаго стремленія къ вѣчному счастью. Поэтому писатель считаетъ нужнымъ отъ наблюдений надѣ вѣншей природой обратиться къ психологическому опыту. Соломонъ, въ которомъ съ мудростью соединились повидимому всѣ дары счастья, болѣе всѣхъ другихъ имѣлъ основаніе отвѣтить на вопросъ о возможности личнаго счастья; въ его богатомъ жизненномъ опытѣ произведена оцѣнка всѣхъ благамъ съ точки зрѣнія совершеннаго счастья, фактически проверено то, что писатель книги рѣшаетъ теоретически. Понятно, насколько полезно было ему воспользоваться опытомъ Соломона. Однако пройдя чрезъ богопросвѣщенное сознание священнаго писателя, этотъ опытъ долженъ былъ получить нѣкоторыя новыя черты, несвойственныя исторической личности Соломона; онъ естественно долженъ былъ получить характеръ философскихъ исканій, философскихъ экспериментовъ: если историческій Соломонъ въ поискахъ счастья поступалъ по влеченію сердца, по естественной страсти, подобно прочимъ людямъ, то идеальный Соломонъ — Екклесіастъ руководился въ этомъ случаѣ идеальными мотивами, „мудростью“ (ст. 18; II, 3), желаніемъ на опытѣ изслѣдовать величайшій для человѣчества вопросъ: что хорошо для сыновъ человѣческихъ, и что должны были бы они дѣлать подѣ небомъ во дни своей суетной жизни.

13. Цѣль опыта Екклесіаста заключалась въ изслѣдованіи всего, что дѣлается подѣ небомъ, съ точки зрѣнія вопроса о счастьи. Первымъ результатомъ, къ которому пришелъ Екклесіастъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, было сознаніе, что уже самое стремленіе людей познать и оцѣнить дѣла человѣческія, составляетъ тяжелое, мучительное занятіе, которое, будучи вложено самимъ Богомъ въ природу человѣка, какъ бы противъ его воли овладѣваетъ имъ. Нѣкоторые толкователи выраженіе „тяжелое занятіе“ относятъ не къ изслѣдованію дѣлъ человѣческихъ, а къ самымъ дѣлаямъ. Но едва ли оно соотвѣтствуетъ выраженію: „все, что дѣлается подѣ небомъ“. Тяжелымъ, мучительнымъ занятіемъ изслѣдованіе дѣлъ человѣческихъ является вслѣдствіе крайней неутихательности его результатовъ.

14. Выводъ, къ которому пришелъ Екклесіастъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, былъ тотъ, что *все суета и томленіе духа*. Къ своему излюбленному выраженію *hebel*

все—суета и томление духа!

15. Кривое не можетъ сдѣлаться прямымъ, и чего нѣтъ, того нельзя считать.

16. Говорилъ я съ сердцемъ моимъ такъ: вотъ я возвеличился и приобрѣлъ мудрости больше всѣхъ, которые были прежде меня надъ Иерусалимомъ, и сердце мое видѣло

много мудрости и знанія.

17. И предалъ я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безуміе и глупость; узналъ что и это—томление духа;

18. потому что во многаѣ мудрости много печали; и кто умножаетъ познанія—умножаетъ скорбь.

Екклезиастъ присоединяетъ новое — *reuth ruach*. Это выраженіе переводится различно. Одни (пер. халдейскій, сирскій, вулгата), производя встрѣчающееся лишь у Екклезиаста слово *reuth* отъ *raah* — бусевать, разламывать, переводятъ: волненіе, томленіе духа (какъ русскій). Другіе (Аquila, Θεοδοτιώνъ и Симахъ), производя отъ *raah* — пасти, переводятъ: пасеніе вѣтра. Третьи, производя отъ того же глагола съ значеніемъ домогаться, переводятъ: стремленіе вѣтра, затѣя вѣтряная (LXX—*προαίρεσις πνεύματος*) или поговя за вѣтромъ. Последнія два пониманія болѣе соотвѣтствуютъ контексту и имѣютъ весьма близкое параллельное мѣсто въ книгѣ пр. Осія XII, 1, въ словахъ: *Ефремъ пасетъ вѣтеръ* (*raah ruach*) и *гоняется за восточнымъ вѣтромъ*. Назвавъ всѣ дѣла человѣческія пасеніемъ вѣтра или погоней за вѣтромъ, Екклезиастъ указываетъ на ничтожность, призрачность ихъ результатовъ въ смыслѣ достиженія прочнаго счастья.

15. Въ этомъ стихѣ объясняется причина безрезультатности человѣческой дѣятельности. Последняя не въ состояніи измѣнить существующій порядокъ, исправить всѣ недостатки и несовершенства во вѣшней природѣ и въ природѣ человѣка, пересоздать ту и другую.

16. Если всѣ дѣла и стремленія человѣческія ничтожны и безрезультатны, какъ дымъ, какъ поговя за вѣтромъ, вслѣдствіе неустранимыхъ недостатковъ и несовершенствъ міра, то само собою понятно, что изслѣдованіе ихъ мудростью и самая мудрость не могутъ дать нравственнаго удовлетворенія человѣку. Подъ выраженіемъ *больше вѣтъхъ, которые были прежде меня надъ Иерусалимомъ* нѣкоторые толкователи разумѣютъ не царей, такъ какъ до Соломона былъ лишь одинъ царь въ Иерусалимѣ — Давидъ, а вообще изравляють. Однако предлогъ „надъ“ (*al*) заключаетъ въ себѣ понятіе господства и можетъ указывать, слѣдовательно, лишь на царей іерусалимскихъ. Екклезиастъ приписываетъ себѣ обладаніе *мудростью*, какъ религіознымъ и нравственно-практическимъ познаніемъ, и вообще *знаніемъ*, какъ теоретическимъ, научнымъ постиженіемъ вещей.

17—18. Екклезиастъ на собственномъ опытѣ убѣдился, что приобретеніе мудрости и знанія оказалось такой же суетой, такой же погоней за вѣтромъ, какъ и все въ человѣческой жизни. Оно не только не доставило ему счастья, но напротивъ увеличило его страданія, показавъ всю призрачность человѣческихъ надеждъ, всю безрезультатность человѣческихъ стремленій, обнаживъ ничтожество всего земнаго.

ГЛАВА 2-я.

1. Сказаль я въ сердцѣ моемъ: дай, испытаю я тебя весельемъ, и насладись добромъ; но и это—суета! 2. О смѣхѣ сказалъ я: глупость! а о весельѣ: чтѣ оно дѣлаеть? 3. Вздумаль я въ сердцѣ моемъ услаждать виномъ тѣло мое и, между тѣмъ какъ сердце мое руководилось мудростью, придержаться и глупости, доколѣ не увижу, чтѣ хорошо для сыновъ человѣческихъ, чтѣ должны были бы они	дѣлать подѣ небомъ въ немногіе дни жизни своей. 4. Я предпринялъ большія дѣла: построилъ себѣ дома, посадилъ себѣ виноградники, 5. устроилъ себѣ сады и роши и насадилъ въ нихъ всякія плодovitыя дерева; 6. сдѣлалъ себѣ водоемы для орошенія изъ нихъ роцшей, произрастающихъ деревьевъ; 7. приобрѣлъ себѣ слугъ и служанокъ, и домочадцы были у меня;

II.

1—11. Суетность мірскаго веселія. 12—17. Одинаковая участь мудраго и глупаго 18—23. Суетность труда. 24—26. Пища, какъ даръ Божій

1. Убѣдившись въ томъ, что познаніе истины усиливаетъ внутреннюю неудовлетворенность, лишаетъ человѣка спокойствія и повседневныхъ радостей, Екклесіастъ рѣшается взглянуть на жизнь безпечными глазами, со всею беззаботностью отдаться веселію, искать счастья не въ духовныхъ, а въ чувственныхъ наслажденіяхъ. Слав. *виждь во блазть* значитъ: испытай на опытѣ наслажденія.

2. Но и эта попытка кончилась неудачей. Безпечная веселость, забавляющаяся въ сущности ничтожными и пошлыми вещами, не болѣе какъ глупость и не можетъ дать чего нибудь положительнаго для человѣческаго счастья. Смѣхъ и веселіе представляются здѣсь въ образѣ лицъ, къ которымъ Екклесіастъ обращается съ рѣчью. Слѣдуетъ переводить: „смѣху сказалъ я: глупость! и веселію: что оно дѣлаеть“.

3. Екклесіастъ отдавался чувственнымъ удовольствіямъ не по естественному влеченію сердца, а съ критическою цѣлью, какъ изслѣдователь, философъ; рѣшая придержаться глупости т. е. безпечнаго и легкомысленнаго веселія, онъ не переставалъ руководиться мудростью, философски взвѣшивать, насколько дѣйствительно испытываемое имъ счастье.

4. *Домы*, т. е. собственныя жилища Соломона, но не храмъ, построенный имъ. О виноградникахъ Соломона упоминается лишь въ Пѣсни Пѣсней (VIII, II).

5. О существованіи царскихъ садовъ въ Иерусалимѣ говорится въ 4 Цар. XXI, 18. 26; XXV, 4; Іер. XXXIX, 4; ЛII, 7; Неем. II, 8; III, 15.

6. О царскомъ водоемѣ упоминается въ Неем. II, 14 (ср. Ис. XXII, 9, 11). О томъ, что этотъ водоемъ построенъ былъ Соломономъ, говорятъ лишь книга Екклесіаста. Иудейское преданіе также усвоеть его Соломону. Въ настоящее время по дорогѣ отъ Иерусалима къ Хеврону на разстояніи 2½ часовъ пути находятся такъ называемыя пруды Соломона. По свидѣтельству І. Флавія вода изъ прудовъ Соломона была проведена въ Иерусалимъ для нуждъ храма и всего города. Это свидѣтельство заслуживаетъ полнаго довѣрія, такъ какъ пруды эти стоятъ выше площади Харама, на которой стоялъ храмъ Соломоновъ, приблизительно на 130 футовъ, и такъ какъ теперь еще сохранялись остатки водопроводовъ, соединяющихъ пруды Соломона съ Иерусалимомъ.

7. *Домочадцы*, т. е. рожденные отъ рабовъ въ домѣ господина.

также крупнаго и мелкаго скота было у меня больше, нежели у всѣхъ, бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ;

8 собралъ себѣ серебра и золота и драгоценностей отъ царей и областей; и завелъ у себя пѣвцовъ и пѣвицъ и услажденія сыновъ человѣческихъ—разныя музыкальныя орудія.

9. И сдѣлался я великимъ и богатымъ больше всѣхъ, бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ; и мудрость моя пребыла со мною.

10. Чего бы глаза мои не пожелали, я не отказывалъ имъ, не воз-

бранилъ сердцу моему ни какого веселья, потому что сердце мое радовалось во всѣхъ трудахъ моихъ, и это было моею долею отъ всѣхъ трудовъ моихъ.

11. И оглянулся я на всѣ дѣла мои, которыя сдѣлалъ руки мои, и на трудъ, которымъ трудился я, дѣлая ихъ: и вотъ, все—суета и томленіе духа, и нѣтъ отъ нихъ пользы подъ солнцемъ!

12. И обратился я, чтобы взглянуть на мудрость и безуміе и глупость: ибо что *можетъ сдѣлать* человекъ послѣ царя *сверхъ того*, что уже сдѣлано.

8. О полученіи даровъ отъ царей говорится въ 3 Цар. IV, 21; X, 15. Подъ *областями* разумѣются 12 округовъ, на которые Соломонъ раздѣлилъ всю свою страну (3 Цар. IV, 6 и д.). *Услажденія сыновъ человѣческихъ—разныя музыкальныя орудія*. Евр. слово schiddah и множ. schiddoth переводится различно. LXX, вульгата, Іеронимъ (въ толкованіи) и слав. переводъ, производя отъ халд. scheda, переводятъ „виночерпцы и виночерпицы“. Другіе, какъ русскій переводъ, производя слово отъ арабскаго корня, переводятъ: „разныя музыкальныя орудія“. Третій производя отъ schadad—господствовать, переводятъ: „госпожу и госпожъ“. Нѣкоторые, наконецъ, производя отъ араб. schadid (полнота) или евр. schadah (течь), переводятъ: „полноту и обиліе наслажденій сыновъ человѣческихъ“, т. е. множество женъ и наложницъ. Слово schidah встрѣчается лишь у Екклесіаста. Поэтому съ увѣренностью опредѣлить значеніе его нельзя. Однако повидимому слѣдуетъ отдать предпочтеніе двумъ послѣднимъ пониманіямъ, такъ какъ, выражаясь словами Михаэлса, „почти невѣроятно, чтобы Соломонъ въ разсказѣ о своихъ чувственныхъ удовольствіяхъ могъ забыть о женщинахъ“. Какъ видно изъ 3 Цар. XI, 3 у Соломона было 700 женъ и 300 наложницъ.

9. *И мудрость моя пребыла со мною*. Екклесіастъ не забывалъ о конечной цѣли своей опытовъ изслѣдовать сущность истиннаго счастья и вмѣстѣ съ тѣмъ смыслъ человѣческой жизни (ст. 3).

10. Радости и увеселенія Екклесіаста не были развлеченіями лѣниваго и бездѣтельнаго человека. Онъ былъ отдохномъ и наградою за тяжелые труды и повидимому должны были бы дать ему полное нравственное удовлетвореніе.

11. Надежда Екклесіаста не сбылась. Радости труда не удовлетворили его стремленіе къ счастью. Онъ увидѣлъ, что нѣтъ полнаго счастья (Ithron) на землѣ.

12. Опытъ Екклесіаста далъ ему полную возможность сдѣлать сравнительную оцѣнку мудрости и глупости съ точки зрѣнія счастья. Волѣ другихъ одаренный мудростью и извѣдавшій все, чѣмъ довольствуется глупость, онъ лучше другихъ могъ знать различіе мудрости и глупости. Послѣ него никто не могъ бы прибавить чего либо къ его выводамъ. Такъ слѣдуетъ понимать вторую половину 12 стиха. Слова: „ибо что человекъ, который будетъ идти послѣ царя“ (точный переводъ), многіе экзегеты понимаютъ въ связи съ ст. 18—19, гдѣ выражается сомнѣніе Екклесіаста относительно того, каковъ будетъ его преемникъ, мудрый и глупый, и переводятъ такимъ образомъ: „ибо что за человекъ, который будетъ идти послѣ царя, по сравненію съ тѣмъ, кого давно сдѣлалъ (царемъ)“. Но въ такомъ случаѣ вторая половина стиха нисколько не объясняла бы первой, т. е. непонятно было бы, почему именно Екклесіастъ счелъ себя авторитетнымъ въ вопросѣ о мудрости и глупости. Русскій переводъ 12 ст., хотя и не буквальный, однако правильно передаетъ мысль подлинника. Славянскій переводъ: *яко кто человекъ, иже пойдетъ въ слѣдъ совѣта, елика сотвори въ немъ*, какъ

13. И увидѣлъ я, что преимущество мудрости предъ глупостью такое же, какъ преимущество свѣта передъ тьмою:

14. у мудраго глаза его—въ головѣ его, а глупый ходитъ во тьмѣ; но узналъ я, что одна участь постигаютъ ихъ всѣхъ.

15. И сказалъ я въ сердцѣ моемъ: и меня постигнетъ та же участь какъ и глупаго: къ чему же я сдѣлался очень мудрымъ? И сказалъ я въ сердцѣ моемъ, что и это суета;

16. потомучто мудраго не будутъ помнить вѣчно, какъ и глупаго; въ грядущіе дни все будетъ забыто, и увы! мудрый умираетъ наравнѣ съ глупымъ.

17. И возненавидѣлъ я жизнь,

потомучто противны стали мнѣ дѣла, которыя дѣлаются подъ солнцемъ; ибовсе—суета и томленіе духа!

18. И возненавидѣлъ я весь трудъ мой, которымъ трудился подъ солнцемъ, потомучто долженъ оставить его человѣку, который будетъ послѣ меня.

19. И кто знаетъ: мудрый ли будетъ онъ, или глупый? А онъ будетъ распоряжаться всѣмъ трудомъ моимъ, которымъ я трудился, и которымъ показалъ себя мудрымъ подъ солнцемъ. И это—суета.

20. И обратился я, чтобы внушить сердцу моему отречься отъ всего труда, которымъ я трудился подъ солнцемъ,—

21. потомучто иной человѣкъ трудится мудро, съ знаніемъ и успѣ-

и у LXX, не имѣетъ смысла, благодаря порчѣ текста. Вмѣсто τῆς βουλής слѣдуетъ читать τοῦ βασιλέως, вмѣсто „совѣта“—„царя“.

13. Екклесіастъ не отрицаетъ громаднаго превосходства мудрости передъ глупостью, какъ свѣта передъ тьмой.

14. Но освѣщая все, что для глупаго остается во мракѣ, мудрость не можетъ измѣнить естественнаго порядка вещей. Передъ нимъ она столь же безсильна, какъ и глупость. Неустраиваемая власть естественнаго міроворядка надъ мудростью особенно обнаруживается въ томъ, что и мудрый и глупый одинаково подвержены смерти.

15. Если смерть одинаково царствуетъ надъ мудрымъ и глупымъ, оставляя въ удѣлъ тому и другому жизнь въ шею, лишениую размышленія, знанія и мудрости (IX, 10), то значеніе мудрости ничтожно. Она не можетъ дать человѣку счастья.

16. Мудрый не можетъ утѣшить себя и такъ называемымъ историческимъ безсмертіемъ. Съ теченіемъ времени и онъ, подобно глупому, будетъ забытъ. Смерть одинаково тяжела и для мудраго и для глупаго.

17. Фактъ смерти, господствующей одинаково надъ мудрыми и глупыми, настолько поразилъ сознание и нравственное чувство Екклесіаста, что жизнь потеряла въ его глазахъ свою цѣнность, свой смыслъ, стала для него предметомъ ненависти и отвращенія. Не важно то, пережилъ ли Екклесіастъ такое состояніе въ дѣйствительности или пришелъ къ этому выводу теоретически, путемъ наблюденій и размышленій; несомнѣнно то, что человѣкъ, ищущій полнаго счастья въ границахъ земнаго бытія, стаянщій себѣ идеалы въ предѣлахъ эмпирическихъ фактовъ, неизбежно приходитъ къ полному разочарованію и въ концѣ концовъ къ крайнему пессимизму. Эмпирическое, чувственное міросозерцаніе не въ состояніи вмѣстить въ себѣ вѣчныхъ идеаловъ человѣчества и потому рождаетъ въ немъ ощущение ничтожества, безцѣльности существованія. Всѣ эти идеалы неумолимо разрушаются уже однимъ фактомъ смерти.

18—19. Съ мыслью о смерти до нѣкоторой степени могла бы примирить человѣка увѣренность, что созданное имъ не умретъ, но послужитъ основаніемъ, на которомъ послѣдующія поколѣнія возведутъ прочное зданіе человѣческаго счастья. Но и этой увѣренности нѣтъ у человѣка, такъ какъ онъ не знаетъ, какой будетъ его наслѣдникъ и преемникъ, продолжитъ ли онъ или разрушитъ его дѣло.

20. Это обстоятельство отнимаетъ у труда всякую цѣнность, всякій смыслъ. Екклесіастъ отрывается отъ труда, отъ всякой надежды найти въ немъ удовлетвореніе.

21. Уже одно то, что плодомъ трудовъ одного пользуется другой, не принимавшій въ нихъ никакого участія, является вопіющей несправедливостью, величайшимъ зломъ.

хомъ, и долженъ отдать все чело-
вѣку, не трудившемуся въ томъ,
какъ бы часть его. И это—суета и
зло великое!

22. Ибо что будетъ имѣть чело-
вѣкъ отъ всего труда своего и за-
боты сердца своего, что трудится
онъ подь солнцемъ?

23. Потомучто всѣ дни его —
скорби, и его труды—безпокойство;
даже и ночью сердце его не знаетъ
покоя. И это—суета!

24. Не во власти человѣка и то

благо, чтобъ ѣсть и пить и усла-
ждать душу свою отъ труда своего.
Я увидѣлъ, что и это отъ руки
Божіей;

25. потомучто кто можетъ ѣсть, и
кто можетъ наслаждаться безъ Него?

26. Ибо человѣку, который добръ
предъ лицомъ Его, Онъ даетъ
мудрость и знаніе и радость; а
грѣшнику даетъ заботу—собирать
и копить, чтобы *послѣ* отдать доб-
рому предъ лицомъ Божіимъ. И
это—суета и томленіе духа!

22—23. Для самого же трудящагося трудъ не даетъ ничего дѣйствительно цѣн-
наго. Его постоянные спутники—скорби и безпокойства.

24—26. Результатъ труда настолько ничтоженъ, что не можетъ вполне обез-
печить человѣку даже самыя элементарныя блага. Екклѣзіастъ изъ жизненнаго опыта убѣ-
дился, что даже такія блага, какъ вкушеніе пищи и питье, зависятъ отъ Божествен-
наго промысла, который отнимаетъ ихъ у глупыхъ и даетъ мудрымъ. Этотъ порядокъ
вещей, который между дѣятельностью человѣка и ея результатомъ вводитъ новое начало,
дѣлаетъ счастье человѣка на землѣ еще болѣе непрочною, неустойчивымъ, увеличивая
суетность земнаго блага. *Не во власти человѣка и то благо, чтобы ѣсть и
пить.* Русскій переводъ этого мѣста не точенъ. Буквальный переводъ еврейскаго текста
долженъ быть таковъ: „нѣтъ счастья (тоб) человѣку ѣсть и пить“. LXX придали этому
мѣсту такой смыслъ: „нѣтъ счастья человѣку, который (ѡ) ѣсть и пить. Однако такой
смыслъ былъ бы въ противорѣчій со многими мѣстами книги Екклѣзіаста, особенно съ
III, 12. 22; VIII, 15, гдѣ прямо выражается мысль, что нѣтъ ничего лучшаго (тоб),
какъ ѣсть и пить. Вульгата переводитъ въ формѣ вопроса: „не лучше ли для человѣка
ѣсть, пить“. Но въ такомъ сочетаніи слово *тоб* не встрѣчается въ книгѣ. Всего вѣроят-
нѣе, это мѣсто по аналогіи съ параллельными мѣстами (III, 12. 22; VIII, 15) слѣ-
дуетъ понимать такъ: „нѣтъ ничего лучшаго (или счастья), какъ ѣсть и пить (т. е.
прибавить частицу *ѡ*). Такъ читаютъ нѣкоторые греческіе кодексы (*πλήν ѡ*), Сирскій
пер., Таргумъ, Іеронимъ въ своемъ толкованіи (*nisi*). *Кто можетъ наслаждаться
безъ него.* По теперешнему евр. тексту вѣсто „безъ него“ слѣдовало бы перевести:
„безъ меня“ (*šimēni*), т. е. болѣе меня, какъ я. Такъ переводятъ Вульгата, Лютеръ и
нѣкоторые экзегеты. Но, во-первыхъ, выраженіе „безъ меня“ нельзя еще понимать въ
смыслѣ: „какъ я“, во-вторыхъ выраженная такимъ образомъ мысль стояла бы внѣ вся-
кой связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ стихами, гдѣ говорится о зависимости
матеріальныхъ благъ отъ Бога. Вмѣсто теперешняго *šimēni* слѣдуетъ читать *šimēni*, какъ
читали LXX, сирскій и др. переводчики

ГЛАВА 3-я.

1. Всему свое время, и время всякой вещи подъ небомъ:

2. время раждаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное;

3. время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить;

4. время плакать, и время смѣяться; время сѣтовать, и время плясать;

5. время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться отъ объятий;

6. время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать;

7. время раздирать, и время шивать; время молчать, и время говорить;

8. время любить, и время ненавидѣть; время войнѣ, и время миру.

9. Чтò пользы работающему отъ того, надъ чѣмъ онъ трудится?

10. Видѣлъ я эту заботу, которую далъ Богъ сынамъ человѣческимъ, чтобы они упражнялись въ томъ.

11. Все содѣлалъ Онъ прекраснымъ въ свое время, и вложилъ мѣръ въ сердце ихъ, хотя человѣкъ не можетъ постигнуть дѣлъ, которыми Богъ дѣлаетъ, отъ начала до конца.

III.

1—15. Зависимость человѣческой жизни отъ божественнаго міропорядка.—16—22. Скотоподобный конецъ людей, живущихъ безъ Бога.

1—8. Въ концѣ второй главы Екклесіастъ подошелъ къ главной причинѣ неосуществимости человѣческаго стремленія къ счастью. Между человѣческимъ хотѣніемъ и его выполненіемъ стоитъ Нѣкто, Кто можетъ отнять хлѣбъ у одного и дать другому. Теперь въ 3 главѣ онъ углубляется въ эту мысль и распространяетъ ее на всю сферу человѣческой жизни. И здѣсь Екклесіастъ находитъ тоже безпрогрессивное круговращеніе, тоже неустраняемое вліяніе законовъ, и здѣсь всѣ человѣческія желанія и предпріятія стоятъ въ постоянной зависимости отъ времени и обстоятельствъ и, подобно явленіямъ внѣшней природы, проходятъ въ строгой послѣдовательности. *Всему свое время, и время всякой вещи подъ небомъ.* Нерезъ значить собственно: склонность, намѣреніе, предпріятіе. Екклесіастъ говоритъ здѣсь не о предметахъ природы, а о дѣятельности человѣческой, о явленіяхъ человѣческой жизни, какъ это видно и изъ дальнѣйшаго развитія мысли. Онъ хочетъ сказать, что факты человѣческой жизни не суть продукты вполне свободной воли человѣка, лежатъ внѣ предѣловъ его сознательныхъ желаній.

9. Въ этой зависимости человѣческой жизни отъ постороннихъ вліяній, неустраняемыхъ волею человѣка, лежитъ главная причина безплодности человѣческихъ усилій, неосуществимости человѣческаго стремленія къ счастью.

10. А между тѣмъ человѣкъ не можетъ погасить въ себѣ жажды высшаго блага. Его стремленіе къ счастью, вложенное въ него Самимъ Богомъ, постоянно и неудержимо толкаетъ его на новые труды, на новыя исканія.

11. Мѣръ половъ гармонія, и духъ человѣка носить на себѣ печать вѣчности; однако Божественный міропорядокъ остается непостижимымъ для человѣка и не можетъ быть приведенъ въ гармонию съ человѣческой волей. *Все содѣлалъ Онъ прекраснымъ въ свое время,* т. е. все, созданное Богомъ, прекрасно въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, въ общей системѣ мірового бытія. *И вложилъ мѣръ въ сердце ихъ.* Евр. слово *olam* въ переводахъ передается различно: „вѣчность“ (LXX), „мѣръ“ (вульгата и переводъ), „разумъ“, „покровъ“ и т. д. Но такъ какъ это слово вообще въ библіи и въ частности въ книгѣ Екклесіаста (I, 4. 10; II, 16; III, 14; IX, 16 и др.) значить

12. Позналъ я, что нѣтъ для нихъ ничего лучшаго, какъ веселиться и дѣлать доброе въ жизни своей.

13. И. если какой человѣкъ ѣсть и пьетъ, и видитъ доброе во всякомъ трудѣ своемъ, то это—даръ Божій.

14. Позналъ я, что все, что дѣлаетъ Богъ, пребываетъ во-вѣкъ: къ тому нечего прибавлять и отъ

того нечего убавить,—и Богъ дѣлаетъ такъ, чтобы благоговѣли предъ лицомъ Его.

15. Что было, то и теперь есть, и что будетъ, то уже было,—и Богъ воззоветъ прошедшее.

16. Еще видѣлъ я подъ солнцемъ: мѣсто суда, а тамъ—беззаконіе; мѣсто правды, а тамъ—неправда.

17. И сказалъ я въ сердцѣ своемъ:

„вѣчность“, то и въ данномъ мѣстѣ слѣдуетъ держаться этого значенія. Лишь въ послѣдней библейской литературѣ словомъ *olam* сталъ обозначаться и міръ, какъ безконечно продолжающійся. „Вложить въ человѣка вѣчность“ значить одарить его богоподобными свойствами, наложить на человѣческую природу отпечатокъ вѣчности, божественности. Стремленіе человѣка къ высочайшему благу, къ вѣчному счастью, служить выраженіемъ его богоподобности.

12—13. Глубокое противорѣчіе, скрытое въ природѣ человѣка, съ одной стороны стремленіе къ вѣчности, съ другой—ограниченность его разума, являются главной причиной неудовлетворенности человѣческаго духа, его вседневныхъ разочарованій. Чтобы болѣе или менѣе избѣжать послѣднихъ, человѣкъ долженъ примириться разъ навсегда съ мыслью о томъ, что высшее счастье (*Ithron*) подъ солнцемъ невозможно. Онъ долженъ, такъ сказать, понизить свои требованія къ жизни и, отбросивъ исканіе высочайшаго блага, удовольствоваться относительнымъ благомъ, тѣмъ, что сравнительно хорошо, что „лучше“ (*tob*). Если высшее благо — *Ithron* невозможно, то относительное благо *Tob* вполне доступно человѣку. Въ чемъ же заключается это *Tob*? *Позналъ я, что нѣтъ для нихъ ничего лучшаго (Tob), какъ веселиться и дѣлать доброе въ жизни своей.* Благой трудъ и спокойное наслажденіе земными радостями — вотъ единственно доступное для человѣка счастье. Пока человѣкъ стремится къ абсолютному счастью на землѣ, онъ осужденъ на постоянныя разочарованія. Даже и лучшіе моменты его жизни отравляются мыслью о непрочности счастья, удручающею заботою о будущемъ. Напротивъ, человѣкъ, отказавшійся отъ исканія полнаго счастья, бываетъ доволенъ и тѣмъ немногимъ, что дать ему жизнь, радуется, веселится безъ заботы о завтрашнемъ днѣ. Онъ, какъ дитя, отдается всякой радости посылаемой Богомъ, отдается полнымъ своимъ существомъ, непосредственно, не разрушая ея анализомъ, критикой, безцѣльными сомнѣніями. И эти малыя радости, соединенныя съ добрымъ трудомъ и чистою совѣстью, дѣлаютъ жизнь пріятною, относительно счастливою. Стихи 12—13 нисколько не выражаютъ эвдемонистическаго взгляда на жизнь, который ставитъ цѣлью жизни одно наслажденіе. Во первыхъ, рядомъ съ земными радостями Екклесіастъ ставитъ другое необходимое условіе относительно счастливой жизни, именно „дѣланіе добра“: во-вторыхъ пользованіе земными благами соединяется съ сознаніемъ зависимости отъ воли Божіей, съ благодарною мыслью, что „это даръ Божій“. Такимъ образомъ то наслажденіе жизнью, къ которому призываетъ Екклесіастъ, покоится на релігіозномъ міросозерцаніи, предполагаетъ, какъ свое необходимое условіе, вѣру въ Божественный промыслъ.

14. Въ началѣ 3 главы Екклесіастъ говорилъ о постоянствѣ и неизмѣнности законовъ управляющихъ человѣческой жизнью. Теперь онъ говоритъ о нихъ опредѣленно. Законы эти являются выраженіями вѣчной и неизмѣнной воли Божіей. Человѣкъ обезцѣненъ что-либо прибавить къ нимъ или отбавить отъ нихъ. Въ томъ и заключается цѣль Божественнаго промысла, чтобы показать людямъ ихъ полную зависимость отъ Бога и такимъ образомъ научить ихъ страху Божію.

15. *Богъ воззоветъ прошедшее.* LXX и сирскій переводятъ: Богъ възыщетъ преслѣдуемаго (слав. „гонимаго“). Но согласно съ контекстомъ лучше понимать въ среднемъ родѣ: прогнанное, удаленное, прошедшее.

16—17. Промыслъ Божій обнаруживается не только въ естественныхъ явленіяхъ,

праведнаго и нечестиваго будетъ судить Богъ; потомучто время для всякой вещи и *судъ* надъ всякимъ дѣломъ тамъ.

18. Сказалъ я въ сердцѣ своемъ о сынахъ человѣческихъ, чтобъ испыталъ ихъ Богъ, и чтобы они видѣли, что они сами по себѣ—животныя;

19. потомучто участь сыновъ человѣческихъ и участь животныхъ—участь одна: какъ тѣ умираютъ, такъ умираютъ и эти, и одно ды-

ханіе у всѣхъ, и нѣтъ у человѣка преимущества предъ скотомъ, потомучто все—суета!

20. Все идетъ въ одно мѣсто: все произошло изъ праха и все возвратится въ прахъ.

21. Кто знаетъ: духъ сыновъ человѣческихъ восходить ли вверху, и духъ животныхъ сходить ли внизъ, въ землю?

22. Итакъ увидѣлъ я, что нѣтъ ничего лучше, какъ наслаждаться

но и въ нравственной жизни человѣка. Въ человѣческомъ судѣ живутъ неправда и беззаконіе. Но надъ судомъ людей есть судъ Божій, который воздастъ должное праведнымъ и нечестивымъ. Для этого суда, какъ и для всякой вещи, настанетъ свое время. *Праведнаго и нечестиваго будетъ судить Богъ, потому что время для всякой вещи и надъ всякимъ дѣломъ тамъ.* Слово „тамъ“ (scham) не совсемъ ясно. Вульгата передаетъ его словомъ „тогда“ (tunc), Иеронимъ — „во время суда“ (in tempore judicii), но евр. scham есть нарѣчіе не времени, а мѣста. Вѣроятно оно значить здѣсь: на судѣ Божіемъ, въ параллель слову „тамъ“ въ ст. 16 для обозначенія суда человѣческаго. Нѣкоторые экзегеты вмѣсто scham (שחם) читаютъ sam (שם) и переводятъ: всему (Богъ) назначилъ свое время. Мысль совершенно согласна съ контекстомъ, но дѣйстви тельно ли повреждена здѣсь еврейская пунктація, сказать трудно.

18—21. Эти стихи подробно выясняютъ цѣль божественнаго промысла, кратко указанную уже въ словахъ 14 ст.: „чтобы благоговѣли предъ лицомъ Его“. Зависимость человѣка отъ Божественнаго провидѣнія имѣетъ цѣлью научить людей тому, что сами по себѣ, съ своими естественными силами, естественною волю и разумнѣемъ, думая жить безъ Бога, въ Божественнаго промышленія, они подобны животнымъ и не могутъ имѣть никакихъ основаній къ увѣренности въ безсмертіи своего духа. Если факты естественнаго сознанія съ необходимю силою убѣждаютъ человѣка въ томъ, что и человѣкъ и животное одинаково умираютъ, теряютъ дыханіе и источникъ жизни, превращаясь въ прахъ, то живя безъ Бога, не признавая Божественнаго промысла, откуда онъ можетъ знать, что духъ животнаго спускается внизъ, а духъ человѣка восходитъ вверху? Въ ст. 18—21, какъ видно, не выражается собственный взглядъ Екклесіаста на человѣческое существо, его личное сомнѣніе въ духовности и безсмертіи человѣческой природы. Это противорѣчило бы XII, 7, гдѣ прямо говорится, что не все въ человѣкѣ идетъ въ одно мѣсто, но что въ прахъ превращается лишь тѣло, а духъ возвращается къ Богу, Который далъ его, и II, 11, гдѣ говорится о вѣчности человѣческаго духа. Въ приведенныхъ стихахъ Екклесіастъ выясняетъ, какъ долженъ смотрѣть на себя человѣкъ, живущій „самъ по себѣ“, руководящійся лишь естественной точкой зрѣнія, не признающій Божественнаго провидѣнія.

18. *Сказалъ я—о сынахъ человѣческихъ.* Русскій переводъ не точенъ. Слѣдуетъ перевести: „сказалъ я—(это) для сыновъ человѣческихъ“. Для пользы людей установленъ тотъ порядокъ вещей, въ силу котораго человѣческая жизнь стоитъ въ постоянной зависимости отъ Божественнаго промысла и суда. *Чтобы испыталъ ихъ Богъ.* багаг значить: выдѣлать, испытать, очистить, (ср. Дан. XI, 35: страдаютъ нѣкоторые и изъ разумныхъ для испытанія (lebarer) ихъ, очищенія и убѣленія къ послѣднему времени). Цѣль Божественнаго промысла—довести людей до сознанія собственного ничтожества и такимъ образомъ очистить ихъ.

20. *Все идетъ въ одно мѣсто,* не въ шею, какъ думаютъ нѣкоторые экзегеты, а въ землю, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ.

22. Выяснивъ цѣль Божественнаго промысла, Екклесіастъ возвращается къ своему

человѣку дѣлами своими, потому- | его посмотрѣть на то, что будетъ
что это—доля его; ибо кто приведетъ | послѣ него?

ГЛАВА 4-я.

1. И обратился я и увидѣлъ вся- | кто еще не существовалъ, кто не
кія угнетенія, какія дѣлаются подъ | видалъ злыхъ дѣлъ, какія дѣла-
солнцемъ: и вотъ слезы угнетен- | ются подъ солнцемъ.
ныхъ, а утѣшителя у нихъ нѣтъ; |
и въ рукъ угнетающихъ ихъ—сила, |
а утѣшителя у нихъ нѣтъ.

2. И ублажилъ я мертвыхъ, ко- |
торые давно умерли, болѣе живыхъ |
которые живутъ доселѣ;

3. а блаженнѣе ихъ обоихъ тотъ,

4. Видѣлъ я также, что всякій |
трудъ и всякій успѣхъ въ дѣлахъ |
производитъ взаимную между людъ- |
ми зависть. И это—суета и томленіе |
духа!

5. Глупый сидитъ, сложивъ свои |
руки, и сѣдаетъ плоть свою.

прежнему выводу, сдѣланному уже въ ст. 12—13. Если человѣкъ во всемъ завистъ отъ Божественнаго провидѣнія, если самъ по себѣ онъ безсиленъ и ничтоженъ, то должно отказаться отъ мысли о полномъ счастьи на землѣ и удовольствоваться радостями богоугоднаго труда. *Наслаждаться человеку дѣлами своими.* Въ этомъ выраженіи Екклесіастъ объединяетъ два условія относительнаго счастья: наслажденіе жизнью и добрую дѣятельность (ст. 12), такъ какъ то и другое по нему неразрывно. *Ибо кто приведетъ его посмотрѣть на то, что будетъ послѣ него.* Здѣсь рѣчь не о будущей, загробной жизни человѣка, какъ въ ст. 21, а о томъ, что будетъ „послѣ него“, т. е. какъ сложится жизнь на землѣ послѣ его смерти. Человѣкъ не долженъ обременять себя и отравлять доступныя ему радости излишними безпокойными заботами о далекомъ будущемъ.

IV.

1—16. Печальныя явленія въ жизни людей.—1—3. Притѣсненія.—4—6. Зависть и безпокойство.—7—12. Одиночество и скупость.—13—16. Непрочность человѣческой привязанности.—17. Поведеніе богобоязненнаго человѣка.

Въ предшествующихъ главахъ, доказывая суетность человѣческой жизни, Екклесіастъ нисходитъ главнымъ образомъ изъ общихъ основаній. Теперь онъ подтверждаетъ свою мысль на частныхъ фактахъ, дѣлающихъ счастье человѣка неустойчивымъ, временнымъ, случайнымъ.

2—3. Насиліе, угнетеніе сильныхъ и богатыхъ надъ слабыми и бѣдными до такой степени проникли во все общество и заразили весь общественный строй, что нравственно чуткій и впечатлительный Екклесіастъ почувствовалъ отвращеніе въ жизни и счелъ мертвыхъ болѣе счастливыми, чѣмъ живыхъ, и еще болѣе счастливыми тѣхъ, кто никогда не существовалъ и не былъ свидѣтелемъ злыхъ дѣлъ на землѣ. Екклесіастъ конечно не возводитъ въ принципъ превосходство небытія надъ бытіемъ, но подавленный созерцаніемъ нравственнаго зла изливаетъ лишь свои чувства глубокаго негодованія и отвращенія, подобно Іову (III, 10—13) и Іереміи (XX, 18). Въ другомъ мѣстѣ, спокойно разсуждая, онъ говоритъ напротивъ, что лучше псу живому, чѣмъ мертвому льву (IX, 4).

4. Даже лучшее, что есть въ жизни, трудъ и радости труда служатъ источникомъ зла, вызывая въ людяхъ зависть и вражду.

5. Глупый человѣкъ вмѣсто того, чтобы трудиться по мѣрѣ силъ, сидитъ сложа руки и сѣдается завистью и злостью.

6. Лучше горсть съ покоемъ, нежели пригоршни съ трудомъ и томленіемъ духа.

7. И обратился я и увидѣлъ еще суету подь солнцемъ:

8. *человѣкъ* одинокій, и другаго нѣтъ; ни сына, ни брата нѣтъ у него, а всѣмъ трудамъ его нѣтъ конца, и глазъ его не насыщается богатствомъ. „Для кого же я тружусь, и лишаю душу мою блага“ И это—суета и недоброе дѣло!

9. Двоимъ лучше, нежели одному; потомучто у нихъ есть доброе вознагражденіе въ трудѣ ихъ:

10. Ибо если упадетъ одинъ, то другой подниметъ товарища своего. Но горе одному, когда упадетъ, а другаго нѣтъ, который подымялъ бы его.

11. Также, если лежатъ двое, то тепло имъ; а одному какъ согрѣться?

12. И если станеть преодолѣвать

кто либо одного, то двое устоятъ противъ него: и витка, втрое скрученная, не скоро порвется.

13. Лучше бѣдный, но умный юноша, нежели старый, но неразумный царь, который не умѣетъ принимать совѣты;

14. Ибо тотъ изъ темницы выйдетъ на царство, хотя родился въ царствѣ своемъ бѣднымъ.

15. Видѣлъ я всѣхъ живущихъ, которые ходятъ подь солнцемъ, съ этимъ другимъ юношею, который займетъ мѣсто того.

16. Не было числа всему народу, который былъ передъ нимъ, хотя позднѣйшіе не порадуются имъ. И это—суета и томленіе духа!

17. Наблюдай за ногою твою, когда идешь въ домъ Божій, и будь готовъ болѣе къ слушанію, нежели къ жертвоприношенію; ибо они не думаютъ, что худо дѣлаютъ.

6. Лучше горсть, приобрѣтенная съ душевнымъ спокойствіемъ, чѣмъ пригоршни, соединенныя съ безпокойными заботами п суетливою хлопотливостію.

7—12. Екклесіастъ отмѣчаетъ новую черту въ современномъ ему обществѣ, разрушающую человѣческое благополучіе, именно внутреннее обособленіе людей, ихъ нравственное разъединеніе. Человѣкъ богатъ, но онъ одинокъ; нѣтъ у него „другого“ т. е. искренняго друга, ни сына, ни брата. Онъ не знаетъ, для кого онъ трудится и лишаетъ себя блага. А между тѣмъ жизнь вдвоемъ имѣетъ много преимуществъ, такъ какъ даетъ каждому нравственную и матеріальную поддержку.

13—16. Екклесіастъ приводитъ случай, доказывающій измѣнчивость и непостоянство человѣческаго счастья. Бѣдный, но умный юноша занимаетъ мѣсто неразумнаго царя, не умѣющаго принимать совѣты. Всѣ переходятъ на сторону юноши, но, увы, послѣдующее поколѣніе будетъ холодно и равнодушно къ нему. *Лучше (тоб) бѣдный, но умный юноша.* Слово *тоб* слѣдуетъ понимать въ смыслѣ „счастливецъ“. Но это счастье непродолжительно. Оно — суета и погоня за вѣтромъ. Многіе комментаторы видѣли въ этихъ стихахъ намекъ на опредѣленные историческія лица, одни на Иосифа, другіе на Саула и Давида, третьи на Иеровоама и Равоама п т. п. Но вѣроятнѣе всего Екклесіастъ имѣлъ адсье въ виду просто возможный случай, чтобы сильнѣе показать превратность человѣческаго счастья.

17. До сихъ поръ Екклесіастъ разсуждалъ, знакомилъ читателя съ своими наблюденіями и выводами; теперь онъ обращается къ нему съ положительными совѣтами и увѣщаніями примѣнительно къ высказаннымъ ранѣе положеніямъ. Онъ подробно описываетъ настроеніе человѣка, ищущаго счастья въ добромъ трудѣ и чистыхъ радостяхъ. Такой человѣкъ долженъ тщательно слѣдить за собой во время богослуженія, избѣгая всего, что можетъ нарушить благочестивое расположеніе духа, сообразя съ нимъ даже свое внѣшнее поведеніе. Его благочестіе должно выражаться не столько въ механическихъ жертвоприношеніяхъ безъ вѣры и покаянія, сколько въ благоговѣйномъ слушаніи п исполненіи слова Божія. *Ибо они не думаютъ, что худо дѣлаютъ.* Екклесіастъ говоритъ о своихъ современникахъ, жертвы которыхъ, чуждыя вѣры и благоговѣнія, были „мерзостію предъ Господомъ“ (ср. Притч. XXI, 27).

ГЛАВА 5-я.

1. Не торопись языкомъ твоимъ, и сердце твое да не спѣшитъ проанести слово предъ Богомъ; потомучто Богъ на небѣ, а ты на землѣ; поэтому словъ твои да будутъ немноги.

2. Ибо какъ сновидѣнія бываютъ при множествѣ заботъ, такъ голосъ глупаго познается при множествѣ словъ.

3. Когда даешь обѣтъ Богу, то не медли исполнить его, потомучто Онъ не благоволяетъ къ глупымъ: что обѣщаль, исполни.

4. Лучше тебѣ не обѣщать, нежели обѣщать и не исполнить.

5. Не позволяй устамъ твоимъ вводить въ грѣхъ плоть твою, и не говори предъ ангеломъ (Божимъ): „это—ошибка!“ Для чего тебѣ *дѣлать*, чтобы Богъ прогнѣвался на слово твое и разрушилъ дѣло рукъ твоихъ?

6. Ибо во множествѣ сновидѣній, какъ и во множествѣ словъ—много суеты; но ты бойся Бога.

7. Если ты увидишь въ какой области притѣсненіе бѣдному и нарушеніе суда и правды, то не удивляйся этому, потомучто надъ высокими наблюдаетъ высшій, а надъ ними еще высшій;

V.

1—6. О молитвѣ и обѣтахъ.—7—8. Особенности деспотическаго управленія.—9—16 Суетность богатства.—17—19. Достоинство чистыхъ радостей.

Съ богослуженіемъ неразрывны молитва и обѣты. Екклѣзіастъ даетъ наставленія и по этимъ предметамъ.

1. Онъ предостерегаетъ чтателя отъ торопливой и многорѣчивой молитвы. Сознаніе величія Бога, живущаго на небѣ, и ничтожности человѣка, живущаго на землѣ, должно побуждать послѣдняго взвѣшивать каждое свое слово, говорить отъ глубины сердца, съ смиреніемъ и благоговѣніемъ. И въ Новомъ Заветѣ Спаситель предостерегаетъ отъ многословной и неблагоговѣйной молитвы (Мате. VI, 7—8).

2. Какъ излишняя безпокойная озабоченность вызываетъ множество сновидѣній, нарушающихъ покой спящаго, такъ глупая суетливость во время молитвы рождаетъ бессмысленное и безцѣльное многословіе.

4. Обязательно исполненіе обѣтовъ, но не самые обѣты. „Если ты не далъ обѣта, то не будетъ тебѣ грѣха (Втор. XXIII, 22).

5. *Вводитъ въ грѣхъ плоть* значитъ или—возбуждать къ грѣху чувственность (ср. Іак. III, 6 и д.) или подвергать тѣло испытанію, наказанію. Вѣрнѣе послѣднее пониманіе, такъ какъ выраженіе „вводитъ въ грѣхъ тѣло“ не вполне соответствуетъ библейскому словупотребленію, по которому грѣшить не тѣло и даже не плоть, но воля человѣческая. *Ангелъ* или посланникъ означаетъ здѣсь священника, которому поручено было надарять за обѣтами (Лев. XXVII, 2, 8). Въ такомъ же смыслѣ употреблено это слово и у Мал. II, 7. Греческій и сирускій переводъ вмѣсто „передъ ангеломъ“ читаютъ: „передъ Богомъ“ (слав. „предъ лицемъ Божиимъ“). Они или нѣсли въ данномъ мѣстѣ другое еврейское чтеніе или понимали выраженіе „ангелъ“ въ смыслѣ самооткровенія Божія. Екклѣзіастъ предостерегаетъ, въ случаѣ неисполненія обѣта, говорить священнику: „это—ошибка“, т. е. грѣхъ слабости, такъ какъ такое лицемерное самооправданіе навлечетъ на виновнаго гнѣвъ Божій и наказаніе.

7. Чтобы понять связь 7 стиха съ предшествующими, слѣдуетъ припомнить, что въ кодексѣ обычной еврейской мудрости рядомъ съ заповѣдью о страхѣ къ Богу стояла заповѣдь о почтеніи къ царю (ср. Притч. XXIV, 21). Екклѣзіастъ хочетъ сказать здѣсь,

8. превосходство же страны въ цѣломъ есть царь, заботящійся о странѣ.

9. Кто любитъ серебро, тотъ не насытится серебромъ, и кто любитъ богатство, тому нѣтъ пользы отъ того. И это—суета!

10. Умножается имущество—умножаются и потребляющіе его; и какое благо для владѣющаго имъ: развѣ только смотрѣть своими глазами?

11. Сладокъ сонъ трудящагося, мало ли, много ли онъ съѣсть; но пресыщеніе богатаго не даетъ ему уснуть.

12. Есть мучительный недугъ, который видѣлъ я подъ солнцемъ: богатство, сберегаемое владѣтелемъ

его во вредъ ему.

13. И гибнетъ богатство это отъ несчастныхъ случаевъ: родиль онъ сына, и ничего нѣтъ въ рукахъ у него.

14. Какъ вышелъ онъ нагимъ изъ утробы матери своей, такимъ и отходить, какимъ пришелъ, и ничего не возьметъ отъ труда своего, что могъ бы онъ понести въ рукъ своей.

15. И это тяжкій недугъ: какимъ пришелъ онъ, такимъ и отходить. Какая же польза ему, что онъ трудился на вѣтеръ?

16. А онъ во всѣ дни свои ѣлъ въ-потьмѣхъ, въ большомъ раздраженіи, въ огорченіи и досадѣ.

что несправедливости и притѣвленія не должны уменьшать почтенія къ царю, такъ какъ они вопліи естественны тамъ, гдѣ много правителей. Слово „область“ (medinah) встрѣчается лишь въ книгахъ позднѣйшаго времени (2 и 3 Цар., кн. Плачь, кн. Іез., Дан., Ездры и Неем.) и обозначаетъ провинція азиатскихъ царствъ. въ частности царства персидскаго. Въ кн. Ездры (V, 8) и Неемин (I, 3; VII, 6; XI, 3) такъ называется Палестина, какъ персидская провинція. Въ этомъ смыслѣ вѣроятно употреблено слово „область“ и въ книгѣ Екклесіаста. *А надъ ними еще высшій*, буквально съ еврейскаго — высшіе (עֲלִיָּוִת). Подъ послѣднимъ словомъ многіе комментаторы разумѣютъ

Бога, видя во множественномъ числѣ указаніе на величіе Божіе, какъ въ XII, 1. Смыслъ стиха въ такомъ случаѣ былъ бы такой: не удивляйся несправедливости, такъ какъ надъ высшими надзираетъ самъ Богъ, Который возстановитъ правду (ср. III, 16—17). Однако такое пониманіе второй половины 7 стиха не вполне соответствуетъ контексту. Екклесіастъ предупреждаетъ здѣсь не возмущеніе и ропотъ при видѣ несправедливостей, а просто удивленіе. Онъ предлагаетъ слѣдовательно не утѣшеніе, а объясненіе факта. Существованіе же суда Божія нисколько не объясняетъ несправедливости суда человѣческаго. Сверхъ того и 8 ст., въ которомъ говорится о преимуществахъ страны, управляемой царемъ, съ трудомъ связывается съ такимъ пониманіемъ. Болѣе основаній въ 7 ст. видѣть указаніе на особенности деспотическаго царства, именно персидскаго, гдѣ вачальство надъ областью поручалось сатрапу, надъ сатрапомъ надзиралъ особый инспекторъ, надъ ними обоими стоялъ царь съ его многочисленнымъ дворомъ. Эту сложность управленія деспотическаго царства, въ которомъ каждый начальникъ преслѣдуетъ свои интересы, и объясняются несправедливости и притѣвленія.

8. Деспотическому государству противопоставляется патріархальное царство съ царемъ, который самолично управляетъ народомъ и заботится о благосостояніи его. Точный переводъ стиха долженъ быть таковъ: „преимущество же страны всегда въ царѣ, преданномъ полю“. Выраженіе „полю“ (lesadeh) указываетъ на земледѣліе, какъ главное занятіе народа и главный предметъ заботливости патріархальнаго царя.

9. Сребролюбецъ не въ силахъ утолить своей жажды къ богатству и потому всегда остается неудовлетвореннымъ и несчастнымъ.

10. *Потребляющіе его*. По мнѣнію однихъ, здѣсь разумѣются члены фамиліи, по мнѣнію другихъ—слуги и кліенты, расточающіе богатство хозяина. Въ томъ и другомъ случаѣ богатому приходится не столько пользоваться своимъ богатствомъ, сколько смотрѣть, какъ пользуются имъ другіе.

12—16. Екклесіастъ приводитъ случай, когда богатство не только не даетъ счастья, но и дѣлаетъ человѣка положительно несчастнымъ. Неожиданная потеря бо-

17. Вотъ еще, что я нашелъ добро и пріятнаго: ѣсть и пить и наслаждаться добромъ во всѣхъ трудахъ своихъ, какими кто трудится подъ солнцемъ во всѣ дни жизни своей, которые далъ ему Богъ; потому что это—его доля.

18. И если какому человѣку Богъ

далъ богатство и имущество и далъ ему власть пользоваться отъ нихъ и брать свою долю и наслаждаться отъ трудовъ своихъ, то это—даръ Божій.

19. Не долго будутъ у него въ памяти дни жизни его; поэтому Богъ и вознаграждаетъ его радостью сердца его.

ГЛАВА 6-я.

1. Есть зло, которое видѣлъ я подъ солнцемъ, и оно часто бываетъ между людьми:

2. Богъ даетъ человѣку богатство и имущество и славу, и нѣтъ для души его недостатка ни въ чемъ, чего ни пожелалъ бы онъ; но не даетъ ему Богъ пользоваться этимъ, а пользуется тѣмъ чужой человѣкъ: это—суета и тяжкій недугъ!

3. Еслибы какой человѣкъ родилъ сто *дѣтей* и прожилъ многіе годы и еще умножились дни жизни его,

но душа его не наслаждалась бы добромъ и не было бы ему и погребенія, то я сказалъ бы: выкидывъ счастливаго его,

4. потому что онъ напрасно пришелъ и отошелъ во тьму, и его имя покрыто мракомъ.

5. Онъ даже не видалъ и не зналъ солнца: ему покойнѣе, нежели тому.

6. А тотъ, хотя бы прожилъ двѣ тысячи лѣтъ и не наслаждался добромъ, не все ли пойдетъ въ одно мѣсто?

7. Всѣ труды человѣка—для рта

гатава, въ особенности когда есть лѣтъ, есть величайшее несчастье, которое гораздо тяжелѣе всегдашней бѣдности.

17—19. Показавъ суетность богатства, Екклесіастъ возвращается къ своему выводу, что самое лучшее въ жизни—наслаждаться добрымъ трудомъ и пользоваться земными благами въ той мѣрѣ, въ какой посылаетъ ихъ Богъ, не обременяя себя мучительными заботами о приумноженіи богатства. Мысль Екклесіаста въ сущности та же, что и въ словахъ Спасителя: *не нецѣтесе убо на утрей, утрежній бо собою нечется: довѣтеть дневи злоба его.* (Мате. VI, 34).

VI.

1—9. Неумѣнье пользоваться богатствомъ. — 10—12. Бессиліе человѣка и суетность жизни.

1—6. Екклесіастъ продолжаетъ развивать свою излюбленную мысль о неумѣнии людей пользоваться богатствомъ и вообще жизнью. Очень часто случается, что люди, обладающіе большимъ богатствами, не извлекаютъ изъ нихъ никакихъ радостей. На ихъ долю приходятся лишь труды и заботы, а жизненные радости достаются другимъ. Эти богачи, не видѣвшіе при жизни ни свѣта, ни радости, несчастнѣе выкидышей, такъ какъ они сходятъ въ шею съ горькимъ сознаніемъ бессмысленно проведенной жизни. *Не было бы ему и погребенія*, т. е. не испытавши радостей при жизни, онъ не встрѣтилъ сочувствія и почета по смерти.

7. Всѣ труды человѣка имѣютъ свою цѣлью пріобрѣтеніе благъ и удовлетвореніе

его, а душа его не насыщается.

8. Какое же преимущество мудраго предъ глупымъ, какое—бѣдныя, умѣющаго ходить предъ живущими?

9. Лучше видѣть глазами, нежели бродить душею. И это—также суета и томленіе духа!

10. Чтò существуетъ, тому уже наречено имя, и извѣстно, что это—человѣкъ, и что онъ не можетъ пре-

пираться съ тѣмъ, кто сильнѣе его.

11. Много такихъ вещей, которыя умножаютъ суету: чтò же для человѣка лучше?

12. Ибо кто знаетъ, чтò хорошо для человѣка въ жизни, во всѣ дни суетной жизни его, которые онъ проводитъ какъ тѣнь? И кто скажетъ человѣку, чтò будетъ послѣ него подъ солнцемъ?

ГЛАВА 7-я.

1. Доброе имя лучше дорогой масти, и день смерти—дня рожденія.

1. Лучше ходить въ домъ плача объ умершемъ, нежели ходить въ домъ пира; ибо таковъ конецъ всякаго человѣка, и живой приложить это къ своему сердцу.

3. Сѣтованіе лучше смѣха; потому что при печали лица сердце дѣлается лучше.

4. Сердце мудрыхъ—въ домѣ плача, а сердце глупыхъ—въ домѣ веселья.

5. Лучше слушать обличенія отъ мудраго, нежели слушать пѣсни глупыхъ;

6. потому что смѣхъ глупыхъ то же, что трескъ терноваго хвороста подъ котломъ. И это—суета!

потребностей. Но желанія человѣка безграничны, и онъ вѣсто того, чтобы наслаждаться тѣмъ, что имѣетъ, стремится лишь къ новымъ приобрѣтеніямъ.

8. *Бѣдныя умѣющаго ходить предъ живущими*, т. е. бѣдняка, умѣющаго жить въ общеніи съ людьми и такимъ образомъ проводить пріятную и спокойную жизнь. Преимущество мудраго передъ глупымъ состоитъ въ томъ, что въ то время какъ богатый скупецъ въ мрачномъ уединеніи набѣгаетъ людей, мудрый наслаждается общеніемъ съ людьми, менѣе всего думая о приумноженіи богатства.

9. Лучше созерцать глазами то, что есть, чѣмъ скитаться душой среди неосуществимыхъ надеждъ и невыполнимыхъ желаній. Лучше наслаждаться тѣмъ немногимъ, что имѣешь, чѣмъ жить въ постоянныхъ заботахъ о будущемъ. Екклесіастъ однако не забываетъ, что созерцаніе глазами, т. е. доступныя человѣку радости вовсе не составляютъ полного счастья, *Itroq*. Онѣ въ сущности тоже суетны, такъ какъ скоропреходящи.

10—12. Незмѣнность существующаго порядка, невозможность для человѣка препираться съ его Виновникомъ и многое другое умножаютъ суету жизни. Человѣку поневолѣ приходится довольствоваться немногимъ, такъ какъ онъ не внаетъ лучшаго счастья, и будущее ему неизвѣстно.

VII.

1—22. Нравственныя наставленія Екклесіаста.—23—29. Развращенность женщины.

1—6. До 7 главы то отношеніе къ жизни, которому научалъ Екклесіастъ, то „лучшее“, что находилъ онъ въ жизни, было указано имъ кратко и общо. Благодаря этому, его наставленія могли подать поводъ къ слишкомъ одностороннему пониманію. Могло показаться (такъ не разъ и случалось), что Екклесіастъ приглашаетъ къ знику-

7. Притѣсная другихъ, мудрый дѣлается глупымъ, и подарки портятъ сердце.

8. Конецъ дѣла лучше начала его; терпѣливый лучше высокомернаго.

9. Не будь духомъ твоимъ поспѣшенъ на гнѣвъ, потому что гнѣвъ гнѣздится въ сердцѣ глупыхъ.

10. Не говори: „отчего это прежніе дни были лучше нынѣшнихъ?“ потому что не отъ мудрости ты спрашиваешь объ этомъ.

11. Хороша мудрость съ наслѣдствомъ, и особенно для видящихъ солнце,

12. потому что подъ сѣнью ея то

же, что подъ сѣнью серебра; но превосходно знаніе въ томъ что мудрость даетъ жизнь владѣющему ею.

13. Смотри на дѣйствованіе Божіе: ибо кто можетъ выпрямить то, что Онъ сдѣлалъ кривымъ?

14. Во дни благополучія пользуйся благомъ, а во дни несчастья—размышляй: то и другое содѣлалъ Богъ для того, чтобы человѣкъ ничего не могъ сказать противъ Него.

15. Всего насмотрѣлся я въ суетные дни мои: праведникъ гибнетъ въ праведности своей; нечестивый живетъ долго въ нечестіи своемъ.

16. Не будь слишкомъ строгъ и

рейскому наслажденію жизнью, къ извлеченію изъ нея всевозможныхъ удовольствій и особенно чувственныхъ. Его „ѣшь, пей, веселись“ могло быть понято, какъ призывъ къ разнузданному веселію на жизненномъ пиру, какъ приглашеніе брать отъ жизни возможно больше наслажденій, не смущаясь мыслью о неизвѣстномъ будущемъ. Глава седьмая устраняетъ всякую возможность такого перетолкованія и устанавливаетъ истинный смыслъ наставленій Екклѣзіаста. Внушая „веселиться“, онъ имѣлъ въ виду не то легкомысленное, пошлое веселіе среди мірскихъ забавъ и развлеченій, которое оставляетъ по себѣ ощущеніе пустоты и нравственной неудовлетворенности, но свѣтлое, праздничное настроеніе, которое во всемъ совершающемся видитъ проявленіе Божественнаго Разума и потому умѣетъ извлекать минуты чистой, безмятежной радости даже изъ самыхъ страданій, будутъ ли они чужія или собственныя. Внутренній опытъ научилъ Екклѣзіаста, что созерцаніе человѣческихъ страданій и даже смерти вызываетъ въ душѣ ту особенную полноту нравственнаго чувства, которая создаетъ болѣе прочное счастье, чѣмъ все пошлые развлеченія, столь же кратковременныя, какъ трескъ терноваго хвороста (ст. 6). Человѣкъ научается тогда понимать истинный смыслъ жизни, примириться со зломъ, не бояться смерти, оставаться безмятежно радостнымъ при всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Въ виду этого Екклѣзіастъ совѣтуетъ предпочитать день смерти дню рожденія, домъ плача дому пира, сѣтованіе смѣху, обличенія мудрыхъ лѣснѣямъ глупыхъ. *При печали лица сердце дѣлается лучше*, точнѣе съ еврейскаго: дѣлается веселѣе (ср. XI, 9; Суд. XIX, 6, 9; Руо. III, 7; 3 Цар. XXI, 7).

7. *И подарки портятъ сердце*. Разумѣются преимущественно подарки должностнымъ лицамъ.

8—10. Екклѣзіастъ предостерегаетъ отъ того угрюмаго и нетерпѣливаго недовольства, которое во всемъ старается отыскать дурное.

11. *Хороша мудрость съ наслѣдствомъ и особенно для видящихъ солнце*. Частица **וְ** имѣетъ здѣсь какъ въ II, 16, значеніе „равно какъ“, „подобно“. Слѣдуетъ перевести: хороша мудрость какъ и наслѣдство и преимущественнѣе (наслѣдства) для видящихъ солнце, т. е. для людей.

12. Преимущество мудрости въ томъ, что она даетъ жизнь, жизнь не только истинно-нравственную, но и физическую, поскольку отвращаетъ человѣка отъ страстей, губящихъ тѣло.

14. *Не могъ сказать противъ Него*. **וְיִתְּנֶנּוּ** какъ въ III, 22; VI, 12 значить: послѣ него. Слѣдуетъ перевести: не могъ сказать послѣ себя. Для того Богъ посылаетъ человѣку благополучіе и несчастіе, чтобы онъ не зналъ будущаго и чувствовалъ постоянную зависимость отъ Бога.

16. *Не будь слишкомъ строгъ*, буквально: не будь слишкомъ праведенъ. Въ

не выставляя себя слишкомъ мудрымъ: зачѣмъ тебѣ губить себя?

17. Не предавайся грѣху и не будь безуменъ: зачѣмъ тебѣ умирать не въ свое время?

18. Хорошо, если ты будешь держаться одного и не отнимать руки отъ другаго; потомучто кто боится Бога, тотъ избѣжитъ всего того.

19. Мудрость дѣлаетъ мудраго сильнѣе десяти властителей, которые въ городѣ.

20. Нѣтъ человѣка праведнаго на землѣ, который дѣлалъ бы добро и не грѣшилъ бы;

21. поэтому не на всякое слово, которое говорятъ, обращай вниманіе, чтобы не услышать тебѣ раба твоего, когда онъ злословитъ тебя;

22. ибо сердце твое знаетъ много случаевъ, когда и самъ ты злословилъ другихъ.

23. Все это испыталъ я мудростью; я сказалъ: „буду я мудрымъ“; но мудрость далека отъ меня.

24. Далекое то, что было, и глубоко—глубоко: кто постигнетъ его?

25. Обратился я сердцемъ моимъ къ тому, чтобы узнать, изслѣдовать и изыскать мудрость и разумъ, и познать нечестіе глупости, невѣжества и безумія,—

26. и нашелъ я, что горче смерти женщина, потомучто она—сѣть, и сердце ея—силки, руки ея—оковы; добрый предъ Богомъ спасется отъ нея, а грѣшникъ уловленъ будетъ ею.

27. Вотъ это нашелъ я, сказалъ Екклесіастъ, испытывая одно за другимъ.

28. Чего еще искала душа моя, и я не нашелъ?—Мужчину одного изъ тысячи я нашелъ, а женщины между всѣми ими не нашелъ.

этихъ словахъ нѣкоторые видѣли выраженіе стоическаго принципа жить сообразно съ природой и стоическаго понятія о добродѣтели, какъ искусствѣ *μεσος ἔχειν*—держаться середины. На самомъ же дѣлѣ, продолжая развивать свою прежнюю мысль о разумномъ наслажденіи жизнью, Екклесіастъ предостерегаетъ здѣсь лишь отъ излишняго педантизма и узкаго ригоризма, въ силу превратныхъ нравственныхъ понятій стремящагося изгнать изъ жизни всѣ невинныя радости, вполне дозволенныя удовольствія.

17. Однако въ стремленіи къ счастью человѣкъ не долженъ переходить границы дозволеннаго, такъ какъ всякій грѣхъ ускоряетъ не только нравственную но и физическую смерть.

18. Мудрый человѣкъ сумѣетъ найти средину и избѣжитъ крайностей бездушнаго ригоризма и нравственной распущенности, разумно пользуясь жизнью и оставаясь правдымъ. Нѣкоторые толкователи находятъ здѣсь намеки на фарисейскій ригоризмъ и распущенность саддукеевъ.

20. Ту же мысль выразилъ Соломонъ въ своей молитвѣ, именно въ словахъ: *ибо нѣтъ человека, который не грѣшилъ бы* (3 Цар. VIII, 46). Эта мысль легко связывается съ послѣдующими стихами, въ которыхъ внушается снисходительность къ людямъ; но связь ея съ предшествующимъ не ясна. А между тѣмъ 20-й стихъ начинается частицею *כי*, которая указываетъ на то, что эготъ стихъ содержитъ обоснованіе предшествующей мысли. Ходъ мыслей вѣроятно таковъ. Необходимо заботиться о приобрѣтеніи мудрости, охраняющей человѣка и отъ излишней строгости и отъ нравственной распущенности, такъ какъ нѣтъ человѣка на землѣ, который дѣлалъ бы и не грѣшилъ.

23. Начало стиха правильнѣе перевести такъ: „далекое то, что есть, и глубоко-глубоко“, т. е. далеко и глубоко отстоятъ отъ человѣческаго вѣдѣнія все существующее, „дѣла, которая дѣлаетъ Богъ“ (III, 11). Ср. *Иов. XXVIII, 12—22*.

26. Винакая глубже въ причину грѣха, несчастія, безумія, Екклесіастъ находитъ, что она находится отчасти въ женщинѣ. Женщина—сѣть и силки для человѣка слабого.

28. Отсюда Екклесіастъ заключаетъ, что женщина вообще въ нравственномъ отношеніи испорченнѣе и развращеннѣе мужчины. Осужденіе женщины у Екклесіаста не безусловно. Въ другомъ мѣстѣ (IX, 9) жизнь съ женою онъ считаетъ однимъ изъ благъ, доступныхъ человѣку.

29. Только это я нашель, что | а люди пустились во многіе по-
Богъ сотворилъ человекъ правымъ, | мыслы.

ГЛАВА 8-я.

1. Кто — какъ мудрый, и кто понимаетъ значеніе вещей? Мудрость человекъ просвѣтляетъ лице его, и суровость лица его измѣняется.
2. *Я говорю*: слово царское храни, и это — ради клятвы предъ Богомъ.
3. Не спѣши уходить отъ лица его и не упорствуй въ худомъ дѣлѣ; потому что онъ, что захочетъ, все можетъ сдѣлать.
4. Гдѣ слово царя, тамъ — власть; и кто скажетъ ему: что ты дѣлаешь?
5. Соблюдающій заповѣдь не испытаетъ ни какого зла: сердце мудраго знаетъ и время и уставъ;
6. потому что для всякой вещи есть свое время и уставъ; а человеку великое зло отъ того,
7. что онъ не знаетъ, что будетъ; и какъ это будетъ — кто скажетъ ему?

29. Екклѣзіастъ предупреждаетъ возможный неправильный выводъ изъ его предшествующихъ разсужденій. Богъ, сотворившій человекъ правымъ, не есть виновникъ нравственной развращенности людей вообще и женщинъ въ частности. Богъ создалъ человекъ правымъ, т. е. нравственно здоровымъ, способнымъ идти правымъ путемъ и не грѣшить. *А люди пустились во многіе помыслы*, буквально: выдумки, мудрования (Ср. 2 Пар. XXVI, 15: и сдѣлалъ онъ въ Иерусалимѣ искусно придуманныя машины).

VIII.

1—9. Поведеніе мудраго.—10—14. Судьба праведныхъ и нечестивыхъ.—15—17. Лучшее въ жизни.

1. Никто не можетъ понять сущность вещей такъ, какъ мудрый. Это глубокое пониманіе жизни создаетъ въ мудромъ радостное, покойное, всепримиряющее настроеніе, отражающееся и на его наружности. Евр. *daḅar* значить и вещь и слово. Отсюда LXX (слав.) сирскій переводъ и Иеронимъ перевели „значеніе слова“, именно изреченія, высказаннаго въ слѣдующемъ стихѣ.

2. Предъ словами: *слово царское храни*, въ подлинникѣ стоитъ мѣстоименіе перваго лица — „я“, при которомъ подразумевается глаголъ: говорю! О вѣрноподданческой клятвѣ говорится въ 4 Пар. XI, 17; XVII, 12 и др.

3—4. Екклѣзіастъ внушаетъ повинновеніе и тактъ въ отношеніи къ царю, мотивируя это могуществомъ и бездѣлительностью послѣдняго. *Не спѣши уходить отъ лица его*. По мнѣнію однихъ комментаторовъ, Екклѣзіастъ предостерегаетъ здѣсь отъ самовольнаго отпаденія отъ царя, отъ оставленія вѣрности и послушанія ему. Другіе видятъ здѣсь совѣтъ Екклѣзіаста не приходитъ въ раздраженіе и не уходитъ отъ царя съ негодованіемъ, если онъ окажется въ чемъ либо неблагоклонимъ. Въ послѣднемъ случаѣ слово *daḅar* понимается въ смыслѣ „слова“, а не „дѣла“, и дальнѣйшее выраженіе переводится такъ: „не упорствуй въ худомъ словѣ“. Второе толкованіе подтверждается, X, 4. *И кто скажетъ ему: что ты дѣлаешь?* Этотъ оборотъ служитъ обыкновенно для описанія всемогущества Божія (Іов. IX, 12; Ис. XLV, 9; Дан. IV, 32; Прем. XII, 12). Здѣсь онъ примѣненъ къ неограниченному царю деспотическаго государства.

5—7. Какъ въ этомъ, такъ и во всякихъ другихъ обстоятельствахъ, мудрость

8. Человѣкъ не властенъ надъ духомъ, чтобы удержать духъ, и нѣтъ власти у него надъ днемъ смерти и нѣтъ избавленія въ этой борьбѣ, и не спасетъ нечестіе нечестиваго.

9. Все это я видѣлъ, и обращалъ сердце мое на всякое дѣло, какое дѣлается подъ солнцемъ. Бываетъ время, когда человѣкъ властвуетъ надъ человѣкомъ во вредъ ему.

10. Видѣлъ я тогда, что хоронили нечестивыхъ и приходили и отходили отъ святаго мѣста, и они забываемы были въ городѣ, гдѣ они

такъ поступали. И это—суета!

11. Не скоро совершается судъ надъ худыми дѣлами; отъ этого и не страшится сердце сыновъ человѣческихъ дѣлать зло.

12. Хотя грѣшникъ сто разъ дѣлаетъ зло и коснѣетъ въ немъ, но я знаю, что благо будетъ боящимся Бога, которые благоговѣютъ предъ лицомъ Его;

13. а нечестивому не будетъ добра, и, подобно тѣни, недолго продержится тотъ, кто не благоговѣетъ предъ Богомъ.

14. Есть и такая суета на землѣ:

сумѣеть предотвратить зло. Мудрый знаетъ, что всему есть время и уставъ, и потому старается все понять, ко всему привыкаться, не пытаясь вступать въ бесплодную борьбу съ неизбѣжнымъ и неизвѣстнымъ ходомъ вещей, властвующимъ надъ самою жизнью. Не будучи въ состояніи предвидѣть исхода своихъ предпріятій, не думая о томъ, что для всякаго дѣла есть свое время, свой судъ, люди часто впадаютъ въ великія несчастія за свои попытки измѣнить существующій порядокъ вещей, существующія формы общественной жизни. Подъ „заповѣдью“ въ 5 ст. ближе всего разумѣть повелѣнія и законы царя, хотя въ дальѣйшемъ теченіи мысль Екклесіаста очевидно расширяется и даетъ возможность придавать этому слову нравственный смыслъ.

8. Человѣкъ не въ состояніи бороться съ установленнымъ порядкомъ вещей, такъ какъ послѣдній господствуетъ надъ самою его жизнью. Въ этой борьбѣ отъ никогда не встрѣтитъ пощады, отъ неумолимаго конца не спасетъ его никакое беззаконіе, никакое отступленіе отъ закона (отъ правилъ борьбы).

9—10. Екклесіастъ отмѣчаетъ фактъ видимой несправедливости, когда нечестивые удостоивались почетнаго погребенія, напротивъ праведники лишались его. Ст. 10 слѣдуетъ перевести такъ: „видѣлъ я тогда, что нечестивые были погребаемы и приходили (разумѣется въ могилу, ср. Ис. LXII, 2), но далеко удалялись отъ святаго мѣста (Иерусалима, храма или гроба) и были забываемы въ городѣ тѣ, которые поступали право“. LXX и вульгата, неправильно прочитавъ подлинникъ, перевели „восхваляемы“ (ср. слав.) вмѣсто „забываемы“. Евр. כֵּן, переведенное въ русской библіи словомъ „знакъ“, въ данномъ мѣстѣ; значитъ „справедливо“, „такъ какъ слѣдуетъ“ (ср. 4 Цар. VII, 9; Числ. XXVII 7; XXXVI, 5).

11—13. Хотя беззаконія людей долгое время остаются ненаказанными, Екклесіастъ все же вѣритъ, что въ свое время Богъ воздастъ каждому по заслугамъ. Вѣра въ праведное воздаяніе выражается имъ рѣшительно, но выражается догматически („я знаю“), не какъ несомнѣнный фактъ наблюдаемой дѣйствительности, но какъ безусловное требованіе религіознаго сознанія. Екклесіастъ не имѣетъ яснаго представленія о томъ, когда, какъ и при какихъ обстоятельствахъ обнаружатся Божественное воздаяніе, онъ не говоритъ, будетъ ли это въ земной или загробной жизни; онъ убѣжденъ лишь въ одномъ, что Богъ долженъ воздастъ каждому по заслугамъ. Выраженіе же: „недолго продержится тотъ, который не благоговѣетъ предъ Богомъ“, скорѣе говорить за то, что Екклесіастъ вѣритъ въ воздаяніе на землѣ.

14. Такъ какъ идея праведнаго воздаянія вытекала у Екклесіаста не изъ данныхъ опыта, а изъ религіознаго вѣры, то онъ не въ силахъ былъ примирить ее съ фактами страданій праведниковъ и благоденствія грѣшниковъ. Эти факты нисколько не потеряли своей очевидности въ глазахъ Екклесіаста и послѣ того, какъ онъ выразилъ свою непоколебимую вѣру въ праведное воздаяніе. Онъ снова съ горечью останавливается на нихъ, показывая тѣмъ, что въ своей вѣрѣ онъ не нашелъ еще полнаго успокоенія.

праведниковъ постигаетъ то, чего заслуживали бы дѣла нечестивыхъ, а съ нечестивыми бываетъ то, чего заслуживали бы дѣла праведниковъ. И сказалъ я: и это—суета!

15. И похвалилъ я веселье; потому что нѣтъ лучшаго для человѣка подъ солнцемъ, какъ ѣсть, пить и веселиться: это сопровождаетъ его въ трудахъ во дни жизни его, которые далъ ему Богъ подъ солнцемъ.

16. Когда я обратилъ сердце мое на то, чтобы постигнуть мудрость

и обозрѣть дѣла, которыя дѣлаются на землѣ, и среди которыхъ *человѣкъ* ни днемъ, ни ночью не знаетъ сна,—

17. тогда я увидѣлъ всё дѣла Божіи и *нашелъ*, что *человѣкъ* не можетъ постигнуть дѣлъ, которыя дѣлаются подъ солнцемъ. Сколько бы *человѣкъ* ни трудился въ изслѣдованіи, онъ все-таки не постигнетъ этого; и если-бы какой мудрецъ сказалъ, что онъ знаетъ,— онъ не можетъ постигнуть *этого*.

ГЛАВА 9-я.

1. На все это я обратилъ сердце мое для изслѣдованія, что праведные и мудрые и дѣянія ихъ—въ рукъ Божіей, и что *человѣкъ* ни

любви, ни ненависти не знаетъ во всемъ томъ, что передъ нимъ.

2. Всему и *всѣмъ*—одно: одна участь праведнику и нечестивому,

15—17. Горькое сознание невозможности примирить *вѣру* съ печальными фактами жизни приводитъ Екклесіаста къ его излюбленной мысли, что слѣдуетъ трудиться и наслаждаться жизнью, не стремясь постигнуть того, чего постичь невозможно.

IX.

1—6. Смерть—удѣлъ *всѣхъ*.—7—10. Правильное пользованіе жизнью.—11—12. Сила случая.—13—18. Сила мудрости.

Ближе всматриваясь въ судьбу праведниковъ, Екклесіастъ находитъ новое доказательство суетности *человѣческой* жизни и необходимости довольствоваться тѣми немногими радостями, которыя доступны людямъ.

1. Праведники и мудрые находятся въ полной зависимости отъ Бога. Даже ихъ дѣйствія и чувства не вполне обуславливаются ихъ свободной волей, но подчинены *бываютъ* времени и случаю. *Человѣкъ* не можетъ предвидѣть, гдѣ и когда зародится въ немъ любовь или ненависть, и не въ силахъ любовь превратить въ ненависть, ненависть въ любовь. *Во всемъ томъ, что передъ нимъ*, т. е. во всемъ, что предстоитъ ему, что случится съ нимъ.

2. *Всему и *всѣмъ* одно*. Буквальнѣе съ еврейскаго: „все, какъ *всѣмъ*“ (LXX и слав. неправильно перевела: „суета во *всѣхъ*“) т. е. съ праведниками все случается, какъ со *всѣми* людьми. Одна участь—смерть и для праведниковъ и для грѣшниковъ. Послѣ слова „доброму“ LXX, вульгата и сирскій переводъ прибавляютъ „злomu“ (си. слав.). Возможно, что таково было первоначальное чтеніе и въ подлинникѣ, *Клянущемуся*. Слѣдуетъ разумѣть не вообще произносящаго клятву, такъ какъ Екклесіастъ, какъ видно изъ VIII, 2, не считаетъ ее грѣхомъ, но призывающаго имя Божіе *всуге* (Исх. XX, 7), безъ нужды, легкомысленно и даже ложно. Такая клятва у пр. Захаріи ставится наряду съ воровствомъ (V, 3). Нѣкоторые экзегеты подѣ боящимися клятвы и

доброму и (злому), чистому и нечистому, приносящему жертву и не приносящему жертвы; какъ добродѣтельному, такъ и грѣшнику; какъ кланяющемуся, такъ и боящемуся клятвы.

3. Это-то и худо во всемъ, что дѣлается подь солнцемъ, что одна участь всѣмъ, и сердце сыновъ человѣческихъ исполнено зла, и безуміе въ сердцахъ ихъ, въ жизни ихъ; а послѣ того они *отходятъ* къ умершимъ.

4. Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, такъ-какъ и псу живому лучше, нежели мертвому льву.

5. Живые знаютъ, что умрутъ, а мертвые ничего не знаютъ, и уже нѣтъ имъ воздаянія, потомучто и память о нихъ предана забвенію,

6. и любовь ихъ и ненависть ихъ и ревность ихъ уже исчезли, и нѣтъ имъ болѣе части во-вѣки ни въ чемъ, что дѣлается подь солнцемъ.

7. *Итакъ* иди, ѣшь съ весельемъ хлѣбъ твой, и пей въ радости сердца вино твое, когда Богъ благоволить къ дѣламъ твоимъ

8. Да будутъ во всякое время одежды твои свѣтлы, и да не оскудѣваетъ елей на головѣ твоей.

9. Наслаждайся жизнью съ женою, которую любишь, во всѣ дни суетной жизни твоей, и которую далъ тебѣ Богъ подь солнцемъ на всѣ суетные дни твои; потомучто это — доля твоя въ жизни и въ трудахъ твоихъ, какими ты трудишься подь солнцемъ.

10. Все, что можетъ рука твоя дѣлать, по силамъ дѣлай; потомучто въ могилѣ, куда ты пойдешь, нѣтъ ни работы, ни размышленія, ни знанія, ни мудрости.

11. И обратился я и видѣлъ подь солнцемъ, что не проворнымъ достается успѣшный бѣгъ, не храбрымъ — побѣда, не мудрымъ — хлѣбъ, и не у разумныхъ — богатство, и не искуснымъ — благорасположеніе, во время и случай для всѣхъ ихъ.

12. Ибо человѣкъ не знаетъ своего времени. Какъ рыбы падаются въ пагубную сѣть, и какъ птицы запутываются въ силкахъ, такъ сыны человѣческіе уловляются въ бѣдственное время, когда оно неожиданно находитъ на нихъ.

непривосыашии жертвы разуміють ессеевъ, отрицавшихъ клятву и жертвы. Но о столь раняемъ возникновеніи есейской секты мы ничего не знаемъ изъ историческихъ памятниковъ.

3. Великое зло въ томъ, что участь и праведниковъ и грѣшниковъ одна. Тѣ и другіе одинаково умираютъ и отходятъ въ шеолъ.

4—6. Въ шеолѣ же всѣ равны, всѣ равно ничтожны, ничтожны настолько, что жизнь самого незначительнаго человѣка цѣннѣе пребыванія въ шеолѣ великаго человѣка, такъ такъ умершіе не знаютъ ни надежды, ни воздаянія, ни любви, ни ненависти и вообще не имѣютъ части ни въ чемъ, что дѣлается подь солнцемъ. Всѣ проявленія духовной жизни человѣка, любовь, ненависть, знаніе, мудрость, размышленіе (ст. 10) Екклесіастъ ставитъ въ неразрывную связь съ условіями земного существованія, какъ явленія, возможныя лишь „подь солнцемъ“, въ соединеніи съ тѣломъ. Съ разрушеніемъ тѣла прекращаются и жизненные проявленія, наступаетъ состояніе глубокаго сна, состояніе полужизня. При такомъ представленіи о загробной жизни, разумѣется, не могло быть рѣчи о различіи въ судьбѣ праведниковъ и грѣшниковъ, о всадаініи за гробомъ. Утвержденіе вообще существованіе суда Божія, Екклесіастъ нигдѣ не распространяетъ его на потустороннюю жизнь. Мало того онъ описываетъ ее въ чертахъ, исключаящихъ всякую мысль о воздаяніи.

7—10. Свои печальныя размышленія Екклесіастъ заключаетъ по обыкновенію призывомъ къ наслажденію жизнью. Чѣмъ мрачнѣе будущее человѣка, тѣмъ болѣе онъ долженъ цѣнить радости земного существованія.

11—12. Но взирая радостными глазами на жизнь, человѣкъ ни на одну минуту не долженъ забывать о своей зависимости отъ времени и случая; онъ долженъ приго-

13. Вотъ еще какую мудрость видѣлъ я подъ солнцемъ, и она показалась мнѣ важною:

14. городъ небольшой, и людей въ немъ немного; къ нему подступилъ великій царь и обложилъ его и произвелъ противъ него большія осадныя работы;

15. но въ немъ нашелся мудрый бѣднякъ, и онъ спасъ своею мудростью этотъ городъ; и однакоже ни кто не вспоминалъ объ этомъ

бѣдномъ человѣкѣ.

16. И сказала я: мудрость лучше силы, и однакоже мудрость бѣдняка пренебрегается, и словъ его не слушаютъ.

17. Слова мудрыхъ, *высказанныя* спокойно, *выслушиваются лучше*, нежели крикъ властелина между глупыми.

18. Мудрость лучше воинскихъ орудій; но одинъ погрѣшившій погубить много добраго.

ГЛАВА 10-я.

1. Мертвыя мухи портятъ и дѣлаютъ зловонною благовонную масть мѣрварника: то же же дѣлаютъ небольшая глупость уважаемаго

человѣка съ его мудростью и честью.

2. Сердце мудраго — на правую сторону, а сердце глупаго — на лѣвую.

товиться ко всякой случайности, такъ какъ обыкновенно случается, что ви́шній успѣхъ не соответствуетъ внутреннему достоинству человѣка. Благодаря полной неизвѣстности будущаго человѣкъ не въ состояннн бываетъ предупредить печальное для него стеченіе обстоятельствъ.

13—18. Но даже и здѣсь мудрость спасаетъ человѣка отъ многихъ золъ и умѣетъ иногда направить ходъ событій ко благу людей. Хотя мудрость часто бываетъ предметомъ пренебреженія, однако она сильнѣе крика властелина, сильнѣе воинскихъ орудій. *Однако же никто не вспоминалъ объ этомъ бѣдномъ человѣкѣ.* Одни толкователи видятъ здѣсь указаніе на прежнюю неизвѣстность бѣднаго человѣка до спасенія города, другіе — на скорое забвеніе его заслугъ современниками. Контекстъ и грамматическое построеніе допускаютъ то и другое пониманіе. Трудно сказать, взялъ ли Екклесіастъ возможный случай или воспользовался опредѣленнымъ историческимъ фактомъ, чтобы иллюстрировать свою мысль. Нѣкоторые толкователи видѣли въ бѣдномъ и мудромъ человѣкѣ образъ презрѣннаго израиля.

X.

Свойства и поведеніе мудраго и глупаго.

1. Не только одинъ грѣшникъ можетъ погубить много добраго, но даже одинъ глупый поступокъ, такъ сказать небольшая доза глупости, можетъ поколебать и погубить нравственное достоинство человѣка, его мудрость и честь, подобно мертвой мухѣ, попавшей въ благовонную масть. „Малая закваска все тѣсто кваситъ“, говоритъ Апостолъ (1 Кор. V, 6) ¹⁾.

2. „Правый“, „правая сторона“, какъ и во всѣхъ языкахъ, выражаетъ понятіе

¹⁾ Точный переводъ второй половины 1 стиха долженъ быть таковъ: „тяжелѣе чѣмъ мудрость, чѣмъ честь, вѣснть малая глупость“, т. е. одинъ глупый, безчестный поступокъ можетъ запятнать нравственное достоинство человѣка, превратить въ ничто его мудрость и честь.

3. По какой бы дорогѣ ни шель глупый, у него *всегда* недостаетъ смысла, и всякому онъ выскажетъ, что онъ глупъ.

4. Если гнѣвъ начальника вспыхнетъ на тебя, то не оставяй мѣста твоего; потомучто кротость покрываетъ и большіе проступки.

5. Есть зло, которое видѣлъ я подъ солнцемъ, это—какъ-бы погрѣшность, происходящая отъ властелина:

6. невѣжество поставляется на большой высотѣ, а богатые сидятъ низко.

7. Видѣлъ я рабовъ на коняхъ, а князей ходящихъ, подобно рабамъ, пѣшкомъ.

8. Кто копаеъ яму, тотъ упадетъ въ нее, и кто разрушаетъ ограду,

того ужалитъ змѣй.

9. Кто передвигаетъ камни, тотъ можетъ насадить себя, и кто колеть дрова, тотъ можетъ подвергнуться опасности отъ пихъ.

10. Если притупится топоръ, и если лезвіе его не будетъ отточено, то надобно будетъ напрягать силы; мудрость умѣетъ это исправить.

11. Если змѣй ужалитъ безъ заговариванія, то не лучше его и злоязычный.

12. Слова изъ устъ мудраго — благодать, а уста глупаго губятъ его же:

13. началo словъ изъ устъ его — глупость, а конецъ рѣчи изъ устъ его — безуміе.

14. Глупый наговоритъ много, *хотя* человекъ не знаетъ, что бу-

вственно добраго, справедливаго; „лѣвый“, „лѣвая сторона“ напротивъ — понятіе ложнаго, злаго, несправедливаго.

3. По какой бы дорогѣ ни шель глупый, у него (всегда) недостаетъ смысла. Точнѣе слѣдуетъ перевести: „и по дорогѣ, когда глупый идетъ, ему недостаетъ смысла“, т. е. глупый не дѣлаетъ ни одного шага, чтобы не обнаружить своей глупости. *И всякому онъ выскажетъ, что онъ глупъ*, т. е. всякому покажетъ свою глупость. Переводъ Геронима и Снммахъ: „онъ всякаго считаетъ за глупаго“, мало вяжется съ контекстомъ.

4. Екклезиастъ продолжаетъ характеризовку мудраго и глупаго. Мудрый человекъ долженъ спокойно относиться къ раздраженію своего начальника, не спѣшить оставлять свое мѣсто, зная, что незаслуженный гнѣвъ начальника пройдетъ, что спокойствіе и кротость обезоруживаютъ людей въ случаяхъ даже серьезныхъ проступковъ.

5—7. По винѣ правителей глупые и недостойные уваженія остаются въ униженіи и презрѣніи. Ст. 5 слѣдуетъ точнѣе передать такъ: „есть зло, которое видѣлъ я подъ солнцемъ, подобное погрѣшности, происходящей отъ властелина“. *Богатые сидятъ низко*; разумѣются лица знатныхъ и заслуженныхъ родовъ. Случай, указанные Екклезиастомъ, часто имѣли мѣсто въ персидскомъ царствѣ.

8—10. Связь этихъ стиховъ съ предшествующими понимается различно. Одни находятъ здѣсь воображеніе тѣхъ интригъ, путемъ которыхъ добивались высокаго положенія визшіе и глупые люди. Другіе видятъ въ этихъ стихахъ продолженіе характеристики мудраго и глупаго. Кто неосторожно беретъ за рискованныя и опасныя предпріятія, къ своей ли выгодѣ или ко вреду другимъ, тотъ легко можетъ повредить себѣ. Мудрость же научитъ человека соразмѣрять желанія съ своими силами, не расточать непроизводительно своей энергіи. Она заравѣ сознаетъ всю опасность и всю трудность каждаго предпріятія и умѣетъ во время устранять ихъ. *Мудрость умлетъ это исправить*; точнѣе съ еврейскаго: „преимущество усвѣннаго дѣйствія—мудрость“.

11. Этотъ стихъ слѣдуетъ перевести такъ; „если змѣй ужалитъ незаговоренный, то не имѣетъ никакой пользы заклинаніе“. Заклинаніе по этимъ словамъ предполагается ранѣе укушевія. Пс. LVII, 5 говорить о змѣѣ, который жалитъ, не допуская надъ собой заклинанія. Въ образной рѣчи Екклезиастъ указываетъ на безполезность запоздалыхъ дѣйствій.

12. Болтливость глупаго распространяется и на такіе предметы, которыхъ человекъ не можетъ знать, и о которыхъ ему никто не скажетъ.

деть, и кто скажетъ ему, что будетъ послѣ него?

15. Трудъ глупаго утомляетъ его, потомучто не знаетъ *даже* дорѣги въ городъ.

16. Горе тебѣ, земля, когда царь твой отрокъ, и когда князья твои ѣдятъ рано!

17. Благо тебѣ, земля, когда царь у тебя изъ благороднаго рода, и князья твои ѣдятъ во время, для подкрѣпленія, а не для пресыщенія!

18. Отъ лѣности обвиснетъ потолокъ и когда опустятся руки, то протечетъ домъ.

19. Пирь устраиваются для удовольствія, и вино веселитъ жизнь; а за все отвѣчаетъ серебро.

20. Даже и въ мысляхъ твоихъ не злословь царя, и въ спальной комнатѣ твоей не злословь богатаго; потомучто птица небесная можетъ перенести слово *твое*, и крылатая — пересказать рѣчь *твою*.

ГЛАВА 11-я.

1. Отпускай хлѣбъ твой по водамъ, потомучто по прошествіи многихъ дней опять найдешь его.

15. Незнаніе дѣла, незнаніе самыхъ простыхъ вещей, напрямѣръ, дороги въ городъ, неумѣніе найти защиту своихъ интересовъ у городского судьи, дѣлаетъ трудъ глупаго утомительнымъ и бесплоднымъ.

16. Особенно велико несчастье отъ глупыхъ людей, когда они оказываются царями и правителями. *Царь твой — отрокъ*, т. е. съ дѣтскими умами, глупый. У Исаия (Ш, 4. 12) дурные правители названы дѣтми и женщинами. *Князья твои ѣдятъ рано*, т. е. ведутъ невоздержную и безпечную жизнь (ср. Ис. V, 11 и сл.).

18—19. Какъ отъ лѣности хозяинна приходитъ въ упадокъ дождь, такъ разрушается и государство отъ лѣнливыхъ и невоздержныхъ правителей, обращающихъ свой народъ.

20. Сказавъ, что глупые и лѣнливые правители — несчастье для страны, Еккліазіастъ снѣшить дать практической совѣтъ не осуждать и такихъ правителей, такъ какъ неодобрительные отвѣты о нихъ какими то невѣдомыми путями обыкновенно доходятъ до ихъ ушей.

XI.

1—6. Увѣщаніе къ благотворительности.—7—10. Призывъ къ наслажденію жизнью.

Въ главахъ XI, 1 — XII, 8 дается какъ бы резюме предшествующихъ размышленій Еккліазіаста объ условіяхъ счастливой жизни. Такихъ условій три: доброе дѣланіе, невинныя наслажденія и полная преданность Божественному провидѣнію. Первое условіе раскрыто въ XI, 1—6, второе—въ XI, 7—10, третье—въ XII, 1—7.

1. Въ образныхъ выраженіяхъ Еккліазіастъ призываетъ къ самой широкой благотворительности, чуждой всякаго расчета на личную выгоду „по водамъ“). Всякая жертва современемъ принесетъ свой плодъ жертвователю. Нѣкоторые толкователи думаютъ, что Еккліазіастъ побуждаетъ здѣсь своихъ современниковъ къ торговой предпріимчивости, къ смѣлымъ коммерческимъ операціямъ на морѣ. Но какъ видно изъ другихъ мѣстъ книги, Еккліазіастъ старался скорѣе сдерживать излишнюю предпріимчивость богатыхъ людей, всю жизнь проводившихъ въ заботахъ о приумноженіи богатства. Изъ слѣдующаго стиха ясно, что рѣчь здѣсь о благотворительности.

2. Давай часть семи и даже восьми, потому что не знаешь, какая бѣда будетъ на землѣ.

3. Когда облака будутъ полны, то они прольютъ на землю дождь; и если упадетъ дерево на югъ или на сѣверъ, то оно тамъ и останется, куда упадетъ.

4. Кто наблюдаетъ вѣтеръ, тому не сѣять; и кто смотритъ на облака, тому не жать.

5. Какъ ты не знаешь путей вѣтра и того, какъ образуются кости во чревѣ беременной, такъ не можешь знать дѣла Бога, Который дѣлаетъ все.

6. Утромъ сѣи сѣмя твое и вечеромъ не давай отдыха рукѣ твоей, потому что ты не знаешь—тѣ, или другое будетъ удачнѣе, или тѣ и

другое равно хорошо будетъ.

7. Сладокъ свѣтъ, и пріятно для глазъ видѣть солнце.

8. Если человекъ проживетъ и много лѣтъ, то пусть веселится онъ въ продолженіе всѣхъ ихъ, и пусть помнитъ о дняхъ темныхъ, которыхъ будетъ много: все, чтѣ будетъ—суета!

9. Веселись, юноша, въ юности твоей, и да вкушаетъ сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путямъ сердца твоего и по видѣнію очей твоихъ; только знай, что за все это Богъ приведетъ тебя на судъ.

10. И удаляй печаль отъ сердца твоего, и уклоняй злое отъ тѣла твоего, потому что дѣтство и юность—суета.

2. „Семя и даже восемь“ указываютъ на возможно болѣе полное число людей, съ которыми слѣдуетъ дѣлиться своимъ имуществомъ.

3. Если облака будутъ полны, то они прольютъ на землю дождь. Всякая жертва вновь возвращается къ жертвователю подобно тому, какъ испарившаяся на землѣ вода, наполняя собой облака, снова падаетъ на землю. Образъ дождевыхъ облаковъ обычно въ библіи символизируетъ милость, благотворительность. (Пр. XXV, 14; Прем. Свр. XXXV, 23). И если упадетъ дерево на югъ или на сѣверъ, то оно тамъ и останется, гдѣ упадетъ. Въ мірѣ нравственномъ, какъ и въ физическомъ, опредѣленные причины всегда вызываютъ опредѣленные дѣйствія, и вообще говоря, человекъ жнетъ только тамъ и только то, гдѣ и что онъ сѣетъ, съ такою же необходимостью, съ какой упавшее дерево остается на томъ именно мѣстѣ, куда упало.

4. Дѣлая добро, человекъ не долженъ проявлять излишней расчетливости, осторожности и мнительности, чтобы не остаться безъ всякой жатвы, подобно слишкомъ усердно наблюдающему за вѣтрами и облаками.

5—6. Не зная путей Божиихъ, не будучи въ состояніи предвидѣть, гдѣ его дѣятельность будетъ плодотворна, человекъ долженъ пользоваться каждымъ моментомъ для доброй дѣятельности.

7—10. Въ этихъ стихахъ Екклесіастъ призываетъ къ веселію и радости, пока не наступили темные дни. Человекъ долженъ наслаждаться всѣмъ, что есть пріятнаго и красиваго въ мірѣ, помня однако о праведномъ судѣ Божиимъ. Пусть помнитъ о дняхъ темныхъ. Дни темные, въ противоположность всѣмъ годамъ прожитой жизни, означаютъ дни пребыванія въ шеолѣ. Ходи по пути сердца твоего и по видѣнію очей твоихъ, т. е. слѣдуй внушеніямъ сердца и очей, пока это не противно правдѣ Божіей. LXX увидѣли въ этихъ словахъ противорѣчіе съ Числ. XV, 39, гдѣ запрещается „ходить вслѣдъ сердца вашего и очей вашихъ“, и потому передъ словами: „въ видѣніи очей твоихъ“, прибавили отрицаніе мѣ (слав. — „не“). Это отрицаніе однако совершенно излишне, такъ какъ изъ контекста ясно, что Екклесіастъ говоритъ лишь о такихъ влеченіяхъ сердца, которыя непротивны Божественнымъ заповѣдямъ.

ГЛАВА 12-я.

1. И помни Создателя твоего въ дни юности твоей, доколѣ не пришли тяжелые дни и не наступили годы, о которыхъ ты будешь говорить: „нѣтъ мнѣ удовольствія въ нихъ!“

2. доколѣ не померкли солнце и свѣтъ и луна и звѣзды, и не нашли новыя тучи вслѣдъ за дождемъ.

3. Въ тотъ день, когда задрожать стерегущіе домъ и согнутся мужи силы, и перестануть молоть мелющіе, потомучто ихъ немного оста-

лось; и помрачатся смотрящіе въ окно;

4. и запираются будутъ двери на улицу; когда замолкнетъ звукъ жернова, и будетъ вставать человекъ по крику пѣтуха и замолкнутъ дщери пѣнія;

5. и высоты будутъ имъ страшны, и на дорогѣ ужасы; и зацвѣтетъ миндаль, и отяжелѣетъ кузнечикъ, и рассыплется каперсъ. Ибо отходить человекъ въ вѣчный домъ свой, и готовы окружить его по улицѣ плакальщицы;—

XII.

1—8. Последнее увѣщаніе Екклесіаста.—9—14. Эпилогъ.

Два главнѣйшихъ условія человѣческаго счастья — дѣланіе добра и здоровое наслажденіе жизнью возможны лишь тогда, когда соединяются съ религіознымъ настроеніемъ, съ чувствомъ полной преданности Богу. Въ религіознаго настроенія наслажденіе жизнью неизбежно принимаетъ извращенный видъ и приводитъ въ концѣ концовъ къ тяжелому разочарованію; точно также и нравственная дѣятельность человекъ теряетъ свою разумность, свою цѣль, какъ скоро въ явленіяхъ міра и жизни человекъ ничего не видитъ кромѣ дѣйствія слѣпота случая. Вотъ почему Екклесіастъ въ своемъ послѣднемъ увѣщаніи призываетъ читателя къ постоянному памятованію о Богѣ, какъ Творцѣ міра, какъ Первопричины всего существующаго, къ памятованію въ теченіе всей жизни, а не въ пору лишь старости, когда и душа и тѣло ощущаютъ уже быстрое наступленіе вѣчной ночи—смерти.

1. *Доколѣ не пришли тяжелые дни*, буквально: „дни зла“, не дни загробнаго существованія, какъ въ XI, 8, а дни старости, дни физическаго и психическаго упадка.

2. Наступленіе мрака и тучъ, т. е. зимы,—образъ не самой смерти, а ея предвѣстницы—старости.

3. Въ этомъ и дальнѣйшихъ стихахъ содержится образное описаніе старости. *Стережущіе домъ* — руки, охраняющія человѣческой организмъ отъ внѣшнихъ опасностей; *мужи силы* — ноги, силою мускуловъ поддерживающія туловище; *мелющіе*—зубы; *смотрящіе въ окно*—глаза.

4. *Двери на улицу*, — по мнѣнію однихъ, уста, по мнѣнію другихъ — уши. Первое вѣрнѣе (ср. Іов. XLI, 6. „кто можетъ отворить двери лица его (т. е. левіафана?). Кругъ зубовъ его ужасъ!“). *Жерновъ* — челюсти и зубы. *Будетъ вставать по крику пѣтуха*, т. е. страдать безсонницей. *Замолкнутъ дщери пѣнія*, т. е. ослабѣетъ голосъ.

5. *Высоты будутъ имъ страшны*, т. е. недоступны. *И на дорогѣ ужасъ*, т. е. трудности и опасности, какъ дѣйствительныя, такъ и воображаемыя. *Зацвѣтетъ миндаль*, своимъ бѣлымъ цвѣтомъ на обнаженныхъ вѣтвяхъ зимою символизирующій старость. *Отяжелѣетъ кузнечикъ*, т. е. потеряетъ свою гибкость и подвижность туловище, спина. *И рассыплется каперсъ*, т. е. не будетъ оказывать дѣйствія кша-

6. доколѣ не порвалась серебряная цѣпочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшинъ у источника, и не обрушилось колесо надъ колодеземъ.

7. И возвратится прахъ въ землю, чѣмъ онъ и былъ; а духъ возвратится къ Богу, Который далъ его.

8. Суета суеть, сказала Еккле-

сіастъ, все—суета!

9. Кромѣ того, что Екклесіастъ былъ мудръ, онъ училъ еще народъ знанію. Онъ все испытывалъ, изслѣдывалъ и составилъ много притчей.

10. Старался Екклесіастъ пріискивать изящныя изрѣченія, и слова истины написаны имъ вѣрно.

рисъ, ягоды и почка котораго употреблялись на востокѣ, какъ возбуждающее средство. *Вѣчный домъ*, т. е. гробъ (ср. Тов. III, 9).

6. Образно описывается самая смерть. *Порвалась серебряная цѣпочка и разбилась золотая чашечка* (въ русской библіи неправильно — повязка; еврейское слово означаетъ предметъ круглой формы, чашечку для елѣя, какъ Зах. IV, 2), т. е. порвалась нить жизни, не стало источника свѣта и тепла; жизнь погасла. Слѣдующіе два образа даютъ другой символъ смерти, именно: ломается колесо надъ колодеземъ и разбивается бадня у источника. Оба образа означаютъ вѣротно прекращеніе дѣятельности сердца, кровообращенія и дыханія.

7. Тѣло и духъ возвращаются къ своему первоисточнику: тѣло возвращается въ прахъ, какииъ оно и было (ср. Быт. III, 19; Пс. CIII, 29), а духъ возвращается къ Богу, Который далъ его. Это возвращеніе къ Богу нельзя понимать въ смыслѣ уничтоженія личнаго самостоятельнаго существованія духа, такъ какъ Екклесіастъ ясно говоритъ о личномъ существованіи человѣка и за гробомъ. Если въ III, 21 онъ ставитъ скептической вопросъ, имѣеть ли человѣкъ преимущество передъ скотомъ, и восходитъ ли духъ его вверхъ, то здѣсь на оба вопроса дается утвердительный отвѣтъ и слѣдовательно признается продолженіе личнаго существованія человѣка и послѣ смерти. Но подобно другимъ священнымъ мудрецамъ Екклесіастъ не могъ представить болѣе или менѣе полной жизни внѣ связи съ тѣломъ, онъ не зналъ новозавѣтнаго ученія о воскресеніи изъ мертвыхъ и потому не могъ возвыситься надъ обычнымъ представленіемъ о шеольт; онъ былъ еще далеко отъ сознательной вѣры въ блаженное состояніе душъ въ общеніи съ Богомъ.

8. Повяно, что Екклесіастъ не могъ находить полнаго утѣшенія въ такой вѣрѣ въ загробную жизнь человѣка и не имѣлъ основаній отказаться отъ своихъ разсужденій о суетности жизни. Напротивъ онъ видѣлъ здѣсь новое и самое сильное доказательство ея. Поэтому въ своемъ заключительномъ словѣ онъ снова повторяетъ: *суета суеть, все суета*. Лишь радостная вѣсть новаго завѣта могла освободить человѣка отъ суеты и дать ему надежду на вѣчное блаженство.

9—14. *Эпилогъ книги*. Въ то время какъ до сихъ поръ всѣ рѣчи велись отъ лица Екклесіаста, который повсюду говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ, въ ст. 9—14 мы слышимъ уже другое лицо, которое отличаетъ себя отъ Екклесіаста, говоритъ о немъ въ третьемъ лицѣ и какъ бы одобряетъ его разсужденія. Однако это не значитъ еще, что конецъ 12 главы составляетъ позднѣйшую прависку. Эпилогъ написанъ тѣмъ же языкомъ и проникнутъ тѣмъ же духомъ, что и вся книга. Отсюда у насъ нѣтъ основаній искать для него другаго автора, отличнаго отъ составителя всей книги. Слѣдуетъ думать, что тамъ и здѣсь говорятъ одинъ и тотъ же авторъ, тамъ отъ лица Екклесіаста, здѣсь отъ своего лица.

9. „Мудрый“ на языкѣ библейскомъ означалъ человѣка, который на основаніи просвѣщеннаго откровеніемъ разума наслѣдывалъ вопросы религіознаго, особенно нравственно-практическаго характера, стараясь примѣнять общія богооткровенныя понятія къ дѣйствительной жизни, разрѣшать всѣ возникающія на этой почвѣ недоумѣнія и противорѣчія. У евреевъ со времени Соломона существовалъ цѣлый классъ мудрецовъ-хакамитовъ, на ряду съ пророками и священниками имѣвшихъ сильное вліяніе на народъ (3 Цар. IV, 80—81; 1ер. XVIII, 18; Пр. I, 6; XIII, 21; XXII, 17). Уже во времена Соломона

11. Слова мудрыхъ—какъ иглы и какъ вбитые гвозди, и составители ихъ—отъ единого пастыря.

12. А что сверхъ всего этого, сынъ мой, того берегись: составлять много книгъ—конца не будетъ, и много читать—утомительно для тѣла.

13. Выслушаемъ сущность всего: бойся Бога и заповѣди Его соблюдай, потому что въ этомъ все для человѣка:

14. ибо всякое дѣло Богъ приведетъ на судъ, и все тайное хорошо ли оно, или худо.

были извѣстны мудрецы—Еоваъ Езрахитянинъ, Еманъ, Халколь и Дарда, мудрость которыхъ стала рядомъ съ мудростью сыновъ востока и Египта (3 Цар. IV, 30—31). Современники пророка Иереміи говорили: „не исчезъ законъ у священника и совѣтъ мудраго и слово у пророка“ (Иер. XVIII, 18). Обыкновенною формою выраженія мысли у еврейскихъ мудрецовъ въ отличіе отъ греческихъ была гномическая, состоявшая изъ краткихъ изреченій, афоризмовъ и притчей.

11. *Слова мудрыхъ—какъ иглы и какъ вбитые гвозди.* Еврейскій подлинникъ говоритъ здѣсь не о простыхъ иглахъ, а о тѣхъ острѣхъ, которыя находятся на палкахъ, употребляемыхъ погонщиками и пастухами. LXX вѣрно перевели *βόβηετρα* (слав. — „остны воловыя“). Мысль та, что слова мудрыхъ, подобно палкѣ погонщика, будятъ людей отъ нравственнаго равнодушія и лѣни, нудятъ ихъ къ исполненію своего долга. *Составители ихъ отъ Единого Пастыря.* Единнымъ Пастыремъ названъ здѣсь Богъ (ср. Пс. XXII, 1; XXVII, 9). Сравнивъ слова мудрыхъ съ палкой погонщика и пастуха, писатель естественно употребилъ образъ Пастыря-Бога, который, паса Израиля, раздастъ мудрымъ жезлы съ тѣмъ, чтобы они пасли людей (ср. Пр. X, 21).

12. Указавъ на высокое значеніе произведеній мудрыхъ, писатель въ то же время предостерегаетъ своего ученика отъ злоупотребленія книгами, какъ отъ составленія, такъ и отъ чтенія многихъ книгъ. Этотъ совѣтъ онъ какъ бы спѣшитъ примѣнить къ себѣ, въ слѣдующихъ стихахъ заканчивая свою книгу.

13. *Выслушаемъ сущность всего*, буквально: „конецъ (выводъ) всей рѣчи“. Заповѣдь: *бойся Бога* (взято изъ V, 6) и *заповѣди Его соблюдай* (ср. IV, 17), составляетъ сущность книги и въ то же время цѣль человѣка. Лишь вѣра спасаетъ человѣка отъ крайностей пессимизма съ одной стороны и пошлаго эвдемонизма съ другой.

14. Мысль объ окончательномъ судѣ Божиемъ по выраженію одного комментатора есть та нить Аріадны, которая вывела Екклесіаста изъ лабиринта его скепсиса. Ни для мрачнаго унывія, ни для легкомысленнаго наслажденія жизнью нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ есть глубокая вѣра въ Божественное воздаяніе.

В. Мышцынъ.

